ЛМ
М-29

Мартов Л.
Против
войны.
М., 1917

ЛММ
М-25

Л. МАРТОВЪ.

335.5
335.5
10912

Противъ войны!

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
(1914—1916).

Издательство „ВОЗРОЖДЕНІЕ".

Москва—1917.

ЛМ
М29

Л. МАРТОВЪ.

3(081)
М-29.5п

Противъ войны!

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
(1914—1916).

10972
1432

Издательство „ВОЗРОЖДЕНІЕ“.

Москва—1917.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
478908
Историческая

Кабинет истории
3696

Типографія подъ фирмою „Московскій Листокъ“, М. И. СМИРНОВА.
Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., домъ 5.

Предисловіе.

Два съ половиною года, въ теченіе которыхъ написаны собранныя въ этой книгѣ статьи, представляютъ моментъ исключительной важности въ эволюціи идеологіи современной демократіи. И поскольку въ этихъ статьяхъ были, большей частью подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, затронуты и освѣщаемы различныя стороны кризиса и различныя проблемы, имъ поставленныя на очередь, вполнѣ своевременнымъ является представленіе ихъ на судъ читателя теперь, когда многое, о чемъ въ началѣ этого періода приходилось еще «гадать», пріобрѣло совершенно опредѣленныя очертанія. Міровой катаклизмъ, породившій этотъ кризисъ, явно вступилъ въ послѣднюю фазу своего развитія; исключительный моментъ, переживаемый Европой, близится къ концу. И каждый публицистъ, которому есть передъ кѣмъ «отчитываться» въ томъ, что онъ совершалъ въ теченіе этихъ мучительно-долгихъ мѣсяцевъ и лѣтъ, чувствуетъ потребность противопоставить свои подлинныя писанія всѣмъ тенденціознымъ извращеніямъ и искаженіямъ, которымъ его мысли подвергались въ продолженіе этого исключительно-пристрастнаго времени.

Не все, разумѣется, написанное мною за 2 года, могло найти мѣсто въ этомъ сборникѣ. Я постарался выбрать для него все, съ моей точки зрѣнія, существенное; все могущее съ какой-нибудь стороны освѣтить ту позицію, которую я и единомышленные со мною писатели заняли въ великомъ кризисѣ передовой общественности. И я увѣренъ, что въ томъ изъ мною написаннаго, что не вошло въ настоящій сборникъ, ни одинъ противникъ не найдетъ ни одной существенной мысли, которая бы стояла въ противорѣчіи или не гармонировала бы съ мыслями, развиваемыми въ статьяхъ, вошедшихъ въ сборникъ.

Эти статьи, изъ которыхъ многія неизвѣстны россійскимъ читателямъ, были написаны въ различные моменты пережитаго демократіей кризиса, о чемъ свидѣтельствуютъ даты, обозначенныя въ концѣ

каждой статьи. Читатель можетъ самъ судить, насколько правы тѣ изъ моихъ противниковъ, которые въ полемикѣ съ кругомъ идей, мною защищаемыхъ, пытались меня представить «импрессіонистомъ», спѣшащимъ наскоро зафиксировать въ идеологіи непосредственную реакцію чувства или мысли на быстро смѣняющіяся событія (квалификація, данная мнѣ А. Н. Потресовымъ въ «Дѣлѣ») или, насколько, напротивъ, занятая мною позиція гармонируетъ со всѣмъ тѣмъ, что я отстаивалъ въ предыдущіе годы, являясь вполнѣ продуманнымъ и, смѣю утверждать, почти готовымъ заранѣе выводомъ изъ принциповъ, которые руководили моей публицистической дѣятельностью въ прошломъ.

Я сожалѣю, что соображенія мѣста не позволили мнѣ включить въ сборникъ нѣкоторыхъ моихъ статей, написанныхъ въ періодъ 1904—14 гг. Въ этомъ случаѣ мое утвержденіе могло бы быть обосновано, такъ-сказать, документально. Я могу здѣсь лишь отмѣтить вкратцѣ тѣ моменты недавняго прошлаго, по поводу которыхъ я имѣлъ случай высказываться въ печати и по поводу которыхъ я въ той или другой формѣ высказалъ мысли, легшія въ основаніе моей нынѣшней позиціи.

Я укажу прежде всего на вполнѣ опредѣленное отношеніе, которое я занялъ во время русско-японской войны къ идеѣ «прогрессивности» и желательности побѣды одного государства надъ другимъ въ войнѣ, имѣющей имперіалистское содержаніе. Въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ публицистовъ демократіи и въ согласіи съ моими тогдашними единомышленниками (изъ которыхъ не всѣ, къ сожалѣнію, остались таковыми и нынѣ), я тогда уже отвергъ примѣненіе критерія «относительной прогрессивности» къ русско-японской войнѣ и тогда уже предостерегалъ отъ идеализаціи историческаго значенія побѣды Японіи (и стоявшей за ней *Англіи*) надъ Россіей, какъ нынѣ я выступилъ противъ идеализаціи историческаго значенія побѣды Англіи, Японіи и Россіи надъ центральными монархіями.

Я могу, далѣе, указать на неоднократно, въ разные моменты, дававшуюся мною оцѣнку историческаго значенія франко-русско-англійскаго союза, какъ фактора борьбы съ тенденціей германскаго имперіализма къ міровой гегемоніи; на мою полемику по этому поводу не только съ идеологіей Милюкова и Ко, оцѣнку которыхъ нынѣ некритически переняли и Г. В. Плехановъ, и А. Н. Потресовъ и многіе другіе писатели, но и съ тѣми идеями *Жореса* о тройственномъ согласіи, какъ объ историческомъ факторѣ, могущемъ при извѣстныхъ условіяхъ стать исходнымъ пунктомъ развитія новой Европы, которыя

покойный трибунъ высказывалъ иногда въ 1900-хъ годахъ и которыя несомнѣнно соблазнили многихъ представителей демократіи къ примѣненію критерія исторической прогрессивности къ одной изъ двухъ столкнувшихся силъ.

Уже въ этой полемикѣ я выразилъ достаточно отчетливо свое отношеніе къ той Милюковымъ же отстаивающейся идеѣ, что политическое «прислоненіе» Россіи къ «великимъ демократіямъ» Запада является факторомъ ея собственной внутренней европеизаціи. Все то, что мнѣ пришлось теперь, въ эти два послѣдніе года, писать по поводу подобныхъ надеждъ и что меня непримиримо раздѣлило съ многими изъ прежнихъ моихъ единомышленниковъ, было давно мною высказываемо въ совершенно ясной и категорической формѣ, не вызывая съ ихъ стороны никакого противодѣйствія.

Логическимъ выводомъ изъ моего отношенія къ критерію относительной прогрессивности и къ значенію для европеизаціи Россіи ея «прислоненія» къ «великимъ демократіямъ Запада» явилось мое отношеніе къ балканскимъ войнамъ 1912—13 гг. Уже тогда нѣкоторые русскіе демократическіе дѣятели (правда, немногіе) проявили склонность къ идеализаціи историческаго значенія этихъ «аванпостныхъ схватокъ» между двумя міровыми силами. Отношеніе, занятое къ этой идеализаціи мною и проводившееся моими единомышленниками въ «Лучѣ» и другихъ изданіяхъ, предрѣшило мое отношеніе и къ современнымъ событіямъ.

Но оно предрѣшило и въ другомъ отношеніи... Балканскія войны явились результатомъ того «открытія турецкаго наслѣдства» для европейскаго имперіализма, которому толчекъ данъ былъ младо-турецкой революціей. Открытіе же турецкаго наслѣдства сыграло рѣшительную роль въ томъ проникновеніи *имперіалистскихъ* элементовъ въ идеологію русскаго либерализма, который превратилъ послѣдній изъ «фактора мира» въ факторъ войны. Въ то же время младо-турецкая эпопея оказала существенное вліяніе на политическую идеологію широкихъ круговъ либеральнаго общества, ускоривъ ихъ переходъ отъ прежняго «космополитизма» къ націоналъ-либерализму. Либерализмъ, который въ 1904—6 гг. фактически черпалъ свою силу изъ сословныхъ и классовыхъ антагонизмовъ, который убѣдился въ своей неспособности оставаться вождемъ общественнаго движенія на *этой* почвѣ (благодаря наличности самостоятельнаго движенія пролетарской демократіи и росту элементовъ самостоятельности въ демократіи крестьянской), и который въ 1907 году, вмѣстѣ съ другими прогрессивными силами потерпѣлъ пораженіе, сталъ питать надежду на свое возрожденіе

путемъ эксплуатаціи *національнаго* движенія, сочетающаго борьбу за внутренній прогрессъ съ борьбой за государственное могущество. Съ 1908 по 1914-ый годъ я имѣлъ достаточно случаевъ, чтобы недвусмысленно выразить свое отношеніе къ этимъ тенденціямъ въ русскомъ либерализмѣ и свое пониманіе задачъ демократіи по отношенію къ росту имперіалистскихъ и націоналистскихъ элементовъ въ либеральномъ движеніи, равно какъ и дать оцѣнку *реалистичности* либеральныхъ плановъ на возможность «обойти исторію» и задачу непосредственной борьбы за общественную реорганизацію рѣшать на пути великодержавной политики и вытекающихъ изъ нея «національныхъ войнъ» въ современномъ смыслѣ этого слова. То, что писалось и говорилось мною въ то время, предопредѣлило мою позицію съ перваго дня нынѣшней войны и находится въ полной гармоніи съ тѣмъ, что читатель сможетъ прочесть въ настоящемъ сборникѣ.

Все это—относительно анализа историческихъ событій. Что касается до вытекавшихъ изъ этого анализа «директивъ», то я позволю себѣ здѣсь напомнить, что я явился (вмѣстѣ съ Р. Люксембургъ и Н.Ленинымъ) въ 1907 г. однимъ изъ авторовъ того дополненія къ извѣстной Штутгартской резолюціи, которое формулировало основную практическую директиву, вытекавшую изъ опредѣленной оцѣнки характера современныхъ міровыхъ конфликтовъ. Мои бывшіе единомышленники, въ то время не протестовавшіе противъ этого дополненія, теперь признали «импрессіонистскимъ» мое стремленіе строго согласовать съ нимъ мое поведеніе въ первый же разъ, когда представился случай примѣнить директиву къ жизни. Имъ остается только выразить сожалѣніе по поводу того, что они ухитрились не замѣтить еще въ 1907 г., что въ моемъ лицѣ имѣютъ передъ собою презрѣннаго «космополита», неспособнаго понять законность національныхъ элементовъ въ идеологіи движенія.

Впрочемъ, разглядѣть этотъ «космополитизмъ» и эту «особенность» они могли бы и помимо резолюціи 1907 г. Неоднократно я высказывалъ свое отношеніе къ проблемамъ, вытекающимъ для демократіи изъ между-національныхъ антагонизмовъ и между-національной борьбы въ такихъ государствахъ, какъ Австрія и Россія. Прежде, чѣмъ вопросъ о сочетаніи классовой и національной точекъ зрѣнія въ данной фазѣ историческаго развитія всталъ въ дыму сраженій всемірной войны, онъ стоялъ передъ демократами безправныхъ національностей въ мирной жизни государствъ. Отношеніе къ такъ-называемому «выявленію національнаго лица» демократіями безправныхъ націй внутри государства, ко всякимъ попыткамъ санкціонировать создаваемое

капитализмомъ взаимно-противопоставленіе интересовъ національныхъ частей единой демократіи, обязывало меня логически и морально занять ту же позицію, когда эти интересы были взаимно-противопоставлены на міровой аренѣ. Для того, кто, подобно мнѣ, доказывалъ полякамъ, евреямъ, украинцамъ, грузинамъ, армянамъ не то, что они не поляки, не евреи и т. д., а только единицы одного и того же класса, но то, что всякая ихъ попытка отстоять *законные* интересы національнаго освобожденія на почвѣ *противопоставленія* себя другимъ національностямъ незаконна съ точки зрѣнія демократіи,—явилось обязательнымъ—и логически и морально—удержаться на той же самой позиціи, когда та же самая проблема сочетанія національнаго и международнаго встала въ взаимоотношеніяхъ между демократіями однѣхъ лишь «державныхъ» націй, успѣвшихъ прежде образовать свое государство. Я бы счелъ легкомысленнымъ обманомъ все то, что въ теченіе своей дѣятельности говорилъ польскимъ, еврейскимъ или армянскимъ демократическимъ массамъ, я счелъ бы себя злостнымъ банкротомъ, если бы хоть на одинъ моментъ призналъ за нѣмцемъ или французомъ право, котораго я не признавалъ за этими не-державными національностями,—право отстаивать «національное лицо» въ процессѣ *противопоставленія* себя другъ другу. Соблазнись я совершить эту непослѣдовательность, я долженъ былъ бы признать, что правы были въ прошломъ тѣ мои противники, которые объявили меня вольнымъ или невольнымъ агентомъ «руссификаціи» по отношенію къ демократіямъ названныхъ народностей. Я могу, поэтому, только удивляться той слабости *инстинкта политическаго самосохраненія*, который проявили нѣкоторые изъ моихъ прежнихъ единомышленниковъ, рѣшившись съ легкимъ сердцемъ занять въ вопросѣ объ отношеніяхъ между національностями государственными позицію, принципіально противоположную той, которую они занимали въ вопросѣ о взаимоотношеніяхъ между національностями одного и того же государства. Когда люди, проявившіе столько непослѣдовательности, бросаютъ мнѣ презрительный эпитетъ «безпочвенный космополитъ», который я давно уже слышалъ отъ своихъ *національ-соціалистическихъ* противниковъ изъ лагеря угнетенныхъ народностей, когда передъ ними отстаивалъ точку зрѣнія единой россійской демократіи, то я не знаю, смѣяться мнѣ или негодовать...

Извращеніе мыслей политическаго противника представляетъ собой, конечно, весьма обыденное явленіе, съ которымъ всякій опытный публицистъ долженъ считаться заранѣе въ полной увѣренности, что до части читающей публики его взгляды обязательно дойдутъ въ

искаженномъ до неузнаваемости видѣ. Однако, тѣ формы духовнаго общенія «цивилизованныхъ» государствъ между собою и гражданъ въ предѣлахъ одного государства, которыя установились въ теченіе этой «послѣдней войны» и которыя отбросили европейское человѣчество на много десятилѣтій, если не на пару вѣковъ, обратно, произвели цѣлую «революцію» также и въ этой области, крайне расширивъ возможности затемнѣнія передъ читающей массой образа писателя и крайне затруднивъ послѣднему возможность возстановить свой истинный образъ.

Съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, многочисленные противники представляемаго мною круга идей сближали или просто отождествляли послѣдній съ такъ-наз. «пораженчествомъ» или, какъ ядовито выразился Л. Г. Дейчъ, съ «патріотизмомъ чужого отечества»*). Читатель увидитъ, что съ самаго начала я выступилъ съ совершенно недвумысленной критикой «пораженческой» идеологіи, не проявляя при этомъ, само собою разумѣется, никакой склонности топить эту критику въ волнахъ моральнаго негодованія, столь лживаго и лицемѣрнаго у либераловъ, забывшихъ о собственномъ пораженчествѣ конца 1904 года, и сугубо отталкивающаго у соціалъ-націоналистовъ, которые однимъ духомъ объявляютъ пораженчество въ собственной странѣ возмутительнымъ и обвиняютъ своихъ собратьевъ въ враждебныхъ странахъ за то, что они не пораженцы въ своемъ собственномъ отечествѣ. Свободная отъ какихъ бы то ни было постороннихъ разсчетовъ, критика пораженчества, даваемая послѣдовательными сторонниками международности, не сходящими съ марксистской точки зрѣнія, одна лишь можетъ обнаружить противорѣчивость, безтолковость и грубую наивность этой «тоже теоріи» и ея глубокое несоотвѣтствіе классовой идеологіи.

Продолжая далѣе обзоръ болѣе или менѣе искусственно созданныхъ моими противниками «недоразумѣній», я прежде всего долженъ остановиться на попыткѣ извратить или, по меньшей мѣрѣ, упростить мое отношеніе къ самому характеру и происхожденію кризиса демократіи. Читателю не трудно убѣдиться, что, далекій отъ того, чтобы объяснять этотъ кризисъ «измѣной вождей», систематической коррупціей довѣренныхъ лицъ демократіи или попустительствомъ «центровъ» по отношенію къ притаившемуся въ демократіи оппортунизму, и чтобы,

*) Г-нъ Алексинскій на основаніи того опредѣленія чрезвычайно расширилъ кругъ лицъ и группъ, по отношенію къ которымъ онъ въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ упражняется въ практикѣ литературно-политическихъ доносовъ.

соотвѣтственно этому, искать въ «хирургическихъ методахъ» единоспасающихъ средствъ противъ болѣзни, я, напротивъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ выступалъ противъ подобныхъ упрощенныхъ схемъ, къ сожалѣнію, пользующихся популярностью среди части сторонниковъ международности.

Съ первыхъ же дней кризиса я старался искать его причины не въ субъективныхъ факторахъ, не въ недостаткахъ ума и характера дѣятелей демократіи и не въ идеологическихъ вліяніяхъ той или другой группы лицъ. Для меня было очевидно, что кризисъ, принявшій такой характеръ всеобщности, долженъ корениться въ совокупности тѣхъ самыхъ условій закончившейся эпохи, которыя опредѣлили собою всѣ грандіозные успѣхи и внутренній ростъ движенія. Законъ развитія путемъ противорѣчія господствуетъ и надъ развитіемъ рабочей демократіи. Противорѣчіе, обнаружившееся въ ходѣ событій между различными составными элементами ея идеологіи, противорѣчіе, въ которомъ ея политика въ критическій моментъ встала къ идеямъ, до того признававшимся ею руководящими, не можетъ быть разсматриваемо, какъ случайное порожденіе «попустительства», практиковавшагося по отношенію къ чуждымъ марксизму идеологическимъ вліяніямъ (ревизіонизмъ и реформизмъ). Оно не можетъ быть также объяснено или всецѣло сведено къ специфическимъ интересамъ отдѣльныхъ категорій демократіи (квалифицированные рабочіе, партійная и союзная бюрократія), какъ это часто пытаются дѣлать упростители, обобщая и придавая непомѣрное значеніе явленіямъ, занимающимъ свое скромное мѣсто въ общемъ процессѣ развитія*). *Историческая ограниченность*, свойственная, какъ и всякой другой, данной эпохѣ, дѣлала то, что въ теченіе ея не могли равномѣрно и гармонически развиваться и выявляться всѣ тенденціи, заложенныя въ основаніи современной демократіи и порождаемыя ея положеніемъ въ расчлененномъ на классы обществѣ. Военная катастрофа лишь вскрыла это противорѣчіе между оффиціальной, такъ-сказать, идеологіей, которая выработана партійными теоретиками и выведена ими изъ основныхъ линій развитія даннаго класса, и тѣмъ «среднимъ партійнымъ сознаніемъ», которое постепенно формировалось подъ непреодолимымъ воздѣйствіемъ всей обстановки исторической эпохи и которое, въ концѣ-концовъ—и именно въ силу демократическаго характера партіи, бывшаго однимъ

*) Сюда же относятся попытки в с е объяснить специфическимъ вліяніемъ характера парламентской работы и специфической средой парламентаризма.

изъ самыхъ цѣнныхъ ея качествъ,—подчинило себѣ въ извѣстной мѣрѣ самое мышленіе теоретиковъ и вождей.

Такъ понимаемый въ своихъ общихъ очертаніяхъ кризисъ не есть ни въ коемъ случаѣ кризисъ смерти или разложенія, какъ склонны, злопыхательствуя, думать иные враги рабочей демократіи. Но если это «кризисъ роста», то не тотъ, который привѣтствуютъ во всѣхъ странахъ реформисты вчерашняго дня и «переучившіеся»экс-марксисты, пытающіеся увѣрить себя и другихъ, что всѣ попятные скачки, сдѣланные демократіей въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ въ области идеологіи и практики, суть не что иное, какъ новые этапы въ процессѣ политическаго созрѣванія даннаго класса. Нѣтъ, такое «эволюціонное» пониманіе кризиса мы отвергаемъ, какъ не марксистское. Съ исторической точки зрѣнія, отступленіе назадъ, сдѣланное классомъ, который объективнымъ ходомъ историческаго развитія толкается впередъ, есть, въ концѣ-концовъ, тотъ самый шагъ, по поводу котораго французская пословица говоритъ: «отступить, чтобы лучше прыгнуть». Ибо несомнѣнно, что изъ этого кризиса рабочій классъ, въ силу логики общественнаго развитія, долженъ будетъ сдѣлать грандіозный, по сравненію съ прежними масштабами, скачекъ впередъ. И, можетъ-быть, чѣмъ дольше назадъ зайдетъ отступленіе, тѣмъ болѣе могучимъ будетъ скачокъ. Для насъ это не «музыка будущаго», а тотъ изъ анализа законовъ общественнаго развитія выведенный прогнозъ, который предопредѣляетъ и *практическое* отношеніе къ теченію самаго кризиса. Но этотъ прогнозъ нисколько не измѣняетъ взгляда нашего на самый кризисъ, какъ на явленіе болѣзненное, въ которомъ, благодаря «разрыву постепенности» въ историческомъ развитіи, благодаря катастрофѣ, не вытекающей изъ самаго хода движенія рабочей демократіи, заложенныя въ послѣднемъ противорѣчія не могли найти гармоническаго разрѣшенія обычнымъ путемъ мирной борьбы идей, постепеннаго взаимоприспособленія разнородныхъ элементовъ идеологіи, постепеннаго «выживанія» элементовъ исторически болѣе прогрессивныхъ и отмиранія элементовъ превзойденныхъ ростомъ движенія. Кризисъ, очевидно, существовавшій въ скрытой формѣ въ прежнемъ движеніи демократіи, неизбѣжно принялъ болѣзненное теченіе идейной и политической *катастрофы*, благодаря вышеуказанному «разрыву постепенности» въ событіяхъ европейской политической жизни. Недаромъ съ геніальной проницательностью Энгельсъ еще въ концѣ 80-хъ г. прошлаго столѣтія предсказывалъ, что всемірная война вызоветъ подобную катастрофу въ международной соціалъ-демократіи.

Разъ такая катастрофа неизбѣжно наступила, приходится счи-

таться съ ея послѣдствіями и рѣшительно отказаться отъ безплодныхъ и вредныхъ попытокъ склеивать распавшееся единство средствами, вполнѣ цѣлесообразными и дѣйствительными въ обычное время при обычныхъ проявленіяхъ разнородныхъ тенденцій, существующихъ въ движеніи демократіи. Возстановленіе единства мыслимо лишь на почвѣ практики, преодолѣвшей или преодолѣвающей противорѣчія, заложенныя въ исторической ограниченности предыдущей эпохи, и въ процессѣ выработки и усвоенія новаго партійнаго сознанія, не разрывающаго преемственной связи съ прежнимъ, но представляющаго его дальнѣйшее развитіе, его очищеніе отъ пережившихъ себя идеологическихъ элементовъ, и приведеніе его въ болѣе полную и задачамъ новой исторической эпохи соотвѣтствующую гармонію съ «безсмертными» принципами марксистской идеологіи, выражающими самыя коренныя тенденціи развитія даннаго класса. Идейно-политическая борьба за это новое партійное сознаніе и за созданіе условій для этой новой практики, борьба за полное «идейное размежеваніе» ставшихъ несовмѣстимыми элементовъ прежняго партійнаго сознанія, борьба за «свободу дѣйствія» отрядовъ демократіи, готовыхъ и способныхъ уже сейчасъ двигать дѣйствительно впередъ общественную практику,—такова единственно мыслимаявъ«катастрофическій»моментъ работа надъ созданіемъ самыхъ предпосылокъ и условій возстановленія единства.

Но именно потому, что отверженіе лозунга «единство во что бы то ни стало» диктуется намъ сознаніемъ того, что рѣчь идетъ какъ-разъ о борьбѣ за созданіе предпосылокъ и условій новаго, болѣе прочнаго единства—не единства горсточки единомышленныхъ единицъ, но единства общественнаго коллектива,—именно поэтому это отверженіе ничего общаго не имѣетъ и ни къ какому смѣшенію въ практическихъ выводахъ не приводитъ съ тѣми, которые мыслятъ себѣ возрожденіе послѣ катастрофы приблизительно такъ, какъ произошло возрожденіе человѣчества послѣ Ноева потопа,—уводомъ на спеціально-построенномъ ковчегѣ клана праведныхъ съ минимальнымъ количествомъ полезныхъ въ домашнемъ хозяйствѣ существъ: «всякой твари по парѣ». Увы! воды потопа еще не спали, а уже нѣкоторые изъ строившихъ ковчегъ для избранной кучки «самыхъ лѣвыхъ» находятся въ состояніи крайняго взаимнаго недовѣрія, обвиняютъ другъ друга и въ «октябризмѣ», и въ «анархизмѣ», и въ оппортунизмѣ и, кажется, недалеки отъ того, чтобы, вслѣдъ за Пушкинской эпиграммой, меланхолически констатировать, что и на сей разъ на ковчегѣ «спаслись и люди и скоты».

Кружковой кругозоръ сектъ и фракцій, знающихъ одно лишь «размноженіе путемъ дѣленія», остался мнѣ также чуждъ послѣ ката-

*) См. заграничную полемику между К. Радекомъ и Н. Ленинымъ.

строфы, какъ былъ до нея. Недаромъ сами представители упростительскаго теченія вполнѣ логически, съ ихъ точки зрѣнія, то и дѣлаютъ, что обличаютъ меня на всѣхъ языкахъ (вплоть до голландскаго) въ томъ, что высшей заботой, которой-де я руководствуюсь въ своей нынѣшней публицистской дѣятельности, является «проложить мостъ» къ будущему единенію съ нашими общими нынѣшними антагонистами. Это заподозриваніе, высказываемое обыкновенно въ совершенно обезоруживающей грубо-наивной формѣ, разумѣется, совершенно невѣрно. У меня достаточно болѣе серьезныхъ заботъ въ данный моментъ, чтобы ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что будутъ дѣлать послѣ признанія себя банкротами тѣ, чье банкротство въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ не представляетъ для меня ни малѣйшаго сомнѣнія, и что можно было бы сдѣлать для облегченія имъ предстоящихъ тяжелыхъ минутъ. Но вѣрно то, что, разсматривая самую борьбу съ опредѣленной частью демократіи въ данный моментъ, какъ средство для созданія условій и предпосылокъ дѣйствительнаго ея единства, я стремлюсь къ тому, чтобы средство не вступило въ противорѣчіе съ цѣлью, которой одной оно для меня освящается. Вполнѣ естественно, поэтому, что методу «глухого заколачиванія дверей» я противопоставляю на практикѣ принципъ «открытыхъ дверей» и отстаиваю размноженіе рабочей демократіи, строющейся на базисѣ новой объединяющей практики, не путемъ «дѣленія», а путемъ пріобщенія всѣхъ тѣхъ силъ, которыя, съ точки зрѣнія раздѣляемаго мною прогноза, должны все болѣе и болѣе толкаться въ желательную сторону по мѣрѣ выявленія послѣдствій историческаго кризиса и по мѣрѣ обнаруженія банкротства методовъ національнаго сотрудничества.

Отсюда видно, насколько извращена моя позиція критиками, писавшими, что я попросту капитулировалъ передъ такъ-наз. «послѣдовательными» изъ моихъ антагонистовъ недавняго прошлаго. Ни о какой капитуляціи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Дорога, которою идутъ тѣ, чьи взгляды я старался посильно выразить, идетъ въ сторонѣ отъ тропинокъ кружковщины.

Это не мѣшаетъ тому, что съ первыхъ же дней кризиса для меня нѣтъ «слѣва» политическихъ противниковъ, а имѣются лишь единомышленники по основному принципіальному вопросу, съ которыми возможна и часто необходима борьба и жестокіе споры по вопросу о методахъ отстаиванія основныхъ принциповъ. Въ этомъ отношеніи катастрофа создала повсюду новое положеніе, показавъ всѣмъ, для кого конечныя цѣли и основные принципы демократіи не стали звукомъ пустымъ, что въ рядахъ рабочей демократіи въ продолженіи

текущаго момента внутренній врагъ помѣщается *лишь направо* и что задачѣ борьбы съ этимъ внутреннимъ врагомъ должны быть при всѣхъ обстоятельствахъ подчинены задачи размежеванія и идейной борьбы съ «сосѣдями слѣва». Кто этого не понялъ и даетъ себя смутить криками о «максималистской, синдикалистской и т. п. опасности», рискуетъ никогда не выйти изъ невеселаго положенія сидящаго между двумя стульями и осудить себя лишь на пассивное выжиданіе, либо на безсознательное служеніе тѣмъ, кто воплощаетъ «правую» опасность.— Само собой разумѣется, что изъ такого отношенія къ указаннымъ «сосѣдямъ» возможность дѣйствительнаго сотрудничества вытекаетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой сами они обнаруживаютъ хоть малѣйшую способность подняться надъ традиціями кружковщины и хотя бы на время усвоить пароль «вмѣстѣ бить». Не стану скрывать, что съ этой стороны двухлѣтній опытъ былъ не изъ утѣшительныхъ, что, впрочемъ, болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ моимъ личнымъ предвидѣніямъ.

Если уже раздѣляемая мною оцѣнка причинъ и значенія кризиса неправильно изображается противниками, какъ капитуляція передъ упростительскимъ сектантствомъ, то еще болѣе и еще чаще подобному извращенію подвергаются отстаиваемыя мною мысли о содержаніи задачъ демократіи въ наступающую историческую эпоху. Эти мысли просто безъ дальнихъ околичностей зачисляютъ по вѣдомству тѣхъ идей, которыя до 1914 года въ сколько-нибудь послѣдовательномъ видѣ формулировали А. Панекокъ и нѣкоторые другіе писатели, и подъ вліяніемъ которыхъ находилось, болѣе или менѣе, все такъ-наз. «крайнее лѣвое» крыло нѣмецкихъ марксистовъ. Въ настоящее время эти идеи, получивъ дальнѣйшее развитіе, стали, съ различными оттѣнками, такъ сказать, оффиціальной идеологіей такъ-наз. «циммервальдской лѣвой», образовавшейся изъ довольно разнородныхъ элементовъ, психологически объединенныхъ радикализмомъ политическаго настроенія. На жаргонѣ представителей націоналистскаго крыла русскихъ марксистовъ основное въ этихъ идеяхъ получило названіе «максимализма» и это основное, между прочимъ, съ большимъ усердіемъ «пришпиливается» къ П. Б. Аксельроду, мнѣ и другимъ писателямъ одного съ нами образа мыслей.

Я долженъ категорически отказаться отъ этой «принудительной солидарности», навязываемой намъ противниками, и мои статьи, печатаемыя въ настоящемъ сборникѣ, представятъ читателю достаточно данныхъ для того, чтобы оцѣнить, насколько неосновательно это сближеніе. «Максимализмъ» Панекока, Радека и ихъ ближайшихъ единомышленниковъ заключается въ томъ, что изъ констатированія всту-

пленія капитализма въ ту фазу своего развитія, изъ которой мыслимы лишь два выхода—къ сверхъ-имперіализму или же къ обобществленію производства,—они прямолинейно дѣлаютъ выводъ о томъ, что, слѣдовательно, никакія «минимальныя» задачи уже не могутъ выставляться и осуществляться авангардомъ рабочей демократіи и проявляютъ склонность топить всѣ отвѣты на текущіе злободневные вопросы, ставящіеся реальнымъ историческимъ процессомъ, въ общей формулѣ перемѣщенія субъекта государственной власти. Ни о чемъ подобномъ нѣтъ рѣчи въ тѣхъ соображеніяхъ, которыя мнѣ приходилось высказывать о «переломномъ» характерѣ новой исторической эпохи и въ тѣхъ выводахъ, которые изъ предвидѣнія этого ея характера я дѣлалъ.

Предполагаемое мною завершеніе эпохи относительной устойчивости между—и внутри—государственныхъ отношеній на Западѣ выдвигаетъ, съ моей точки зрѣнія, на центральный планъ передъ всей демократіей задачу перемѣщенія субъекта государственной власти,—ту задачу, которая въ предшествующій періодъ служила «регулятивнымъ принципомъ» движенія, верховнымъ критеріемъ цѣлесообразности частныхъ задачъ и тактическихъ методовъ. Произведенный катастрофой сдвигъ, по всей видимости, обострить до крайности общественные антагонизмы, и еще замѣтнѣе, чѣмъ прежде, сдѣлаетъ рабочій классъ единственнымъ носителемъ историческаго развитія, а его побѣду—единственной гарантіей противъ вырожденія общественнаго строя въ систему финансово-промышленнаго феодализма. Въ вышеупомянутую центральную задачу сознаніе демократіи будетъ упираться на каждомъ шагу, при всякой попыткѣ оказать противодѣйствіе процессу новѣйшей феодализаціи общества. Идея, на которой воспитались цѣлыя поколѣнія демократіи и которая маячила имъ вдали, какъ конечный пунктъ неопредѣленно-долгаго пути, станетъ принимать реальныя очертанія по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, будутъ выявляться тѣ тенденціи современнаго имперіализма, которыя стремятся сводить на-нѣтъ завоеванія демократіи и установить новыя формы абсолютизма, и поскольку, съ другой стороны, будетъ выявляться то, что немыслимо удовлетвореніе насущныхъ нуждъ экономическаго развитія и самое поддержаніе общественнаго организма народнаго хозяйства, составляющіе «душу» капитализма. Это не значитъ, что «съ сегодня на завтра» рабочая демократія подойдетъ вплотную къ *осуществленію* основныхъ предпосылокъ для конечной цѣли. Это значитъ лишь, что исчезнутъ тѣ специфическія условія предыдущей эпохи, въ силу которыхъ эта цѣль могла совершенно *заслоняться* въ сознаніи демократіи повседневными задачами и, окутываясь тума-

номъ, переставать опредѣлять собою самую формулировку этихъ частныхъ задачъ и подходъ къ ихъ реализаціи. А это было, и перемѣна, которая въ этомъ отношеніи наступаетъ, означаетъ прежде всего, значительно болѣе глубокое и болѣе осязательное, чѣмъ прежде, проникновеніе повседневныхъ проявленій движенія его объединяющими цѣлями.

Далеко отъ того, чтобы отнять почву изъ-подъ ногъ т.-н. «минимальной программы», это измѣненіе, напротивъ, вновь придаетъ ей новую жизненность. Представленіе о томъ, что опредѣленный классъ завоевываетъ господствующее положеніе во имя голой идеи необходимости такого завоеванія, принадлежитъ къ числу самыхъ наивныхъ представленій о ходѣ общественнаго развитія. Такое завоеваніе можетъ совершиться лишь въ процессѣ предъявленія къ обществу все далѣе идущихъ цѣлей и преодолѣнія препятствій, которое оно ставитъ ихъ реализаціи. Всѣ основныя требованія «минимальной» программы, поскольку ихъ реализація будетъ становиться, въ силу растущаго обостренія классовыхъ противорѣчій, необходимымъ условіемъ движенія демократіи впередъ или даже только условіемъ сохраненія ею уже достигнутаго уровня благосостоянія и ея положенія въ обществѣ, явятся въ этой перспективѣ рычагомъ ея борьбы за общественную власть въ цѣломъ. Постановка «максимальной» задачи въ центрѣ вниманія демократіи означаетъ, такимъ образомъ, не упраздненіе задачъ «минимальныхъ», но, напротивъ, переводъ ихъ изъ программы въ практику, приступъ къ рѣшительной борьбѣ за ихъ реализацію.

Если мнѣ скажутъ, что изображенное мною отношеніе между максимальной и минимальной программой не представляетъ ничего новаго, я отвѣчу: вотъ именно! Это-то самое отношеніе, которое вытекаетъ изъ основныхъ положеній марксизма и которое принципіально признавалось марксистами. Но, замѣчу я, слишкомъ часто оно въ обиходѣ подмѣнялось другимъ не-марксистскимъ представленіемъ, которое пункты минимальной программы превращало въ рядъ послѣдовательныхъ *хронологическихъ* этаповъ на пути къ конечной цѣли. Изъ того положенія, что минимальная программа обнимаетъ требованія, *логически умѣщающіяся* въ рамкахъ даннаго хозяйственнаго строя, дѣлался неправильный выводъ о томъ, что нелогично мыслить себѣ осуществленіе «конечной цѣли» до тѣхъ поръ, пока всѣ эти требованія не осуществлены постепенно въ рамкахъ даннаго строя; логическое различіе между минимальной и максимальной программами подмѣнялось различіемъ хронологическимъ: *пока* демократія не добьется отъ даннаго общества исполненія всей своей программы

минимумъ, задача перемѣщенія самаго субъекта власти не становится «практической задачей». Результатомъ сложившейся привычки такъ разсуждать явилась склонность объявлять попросту «максимализмомъ» идею о томъ, что, вмѣстѣ съ обостреніемъ общественныхъ отношеній, задача преобразованія общества въ цѣломъ займетъ въ практикѣ демократіи то центральное мѣсто, которое она занимаетъ въ идеологіи ея авангарда.

У насъ нѣтъ достаточно основаній утверждать, что капиталистическое общество не сможетъ уже вплоть до самаго конца своего существованія подвергнуться дальнѣйшей демократизаціи своихъ государственныхъ формъ и соціальныхъ учрежденій. *Этого* утверждать мы не можемъ, несмотря на то, что констатируемъ и признаемъ характерной чертой его современнаго развитія все усиливающуюся обратную тенденцію—къ вытравленію демократическаго духа изъ государства, къ укрѣпленію элементовъ абсолютной власти, къ остановкѣ соціальной реформы,—несмотря на то, что, по всѣмъ видимостямъ, послѣ войны Западную Европу ждетъ еще большее усиленіе этой тенденціи. И такъ какъ этого мы утверждать не можемъ, мы не имѣемъ никакого серьезнаго основанія *растворять* демократическія требованія т.-н. минимальной программы въ основной цѣли коренного преобразованія. Но одно мы можемъ утверждать и одно должны помнить: при наличіи этой усиливающейся анти-демократической тенденціи всякій серьезный дальнѣйшій прогрессъ въ сферѣ политической и соціальной еще болѣе, чѣмъ прежде, и значительно болѣе, чѣмъ прежде, сможетъ реализоваться лишь, какъ результатъ могучаго напора новаго класса, ребромъ ставящаго вопросъ о томъ, ,,кому быть хозяиномъ"? А это и значитъ, что т.-н. максимальная программа, усваивавшая массами демократія лишь какъ весьма отдаленная конечная цѣль ихъ повседневной борьбы, должна будетъ и въ ихъ сознаніи становиться той именно цѣлью, которой всякое конкретное движеніе за частныя задачи ,,подчиненно, какъ средство".

До сихъ поръ я говорилъ о передовыхъ капиталистическихъ странахъ, въ примѣненіи къ которымъ легенда о моемъ намѣреніи выбросить за бортъ всякія «минимальныя» задачи не могла бы опереться ни на одну напечатанную мною строку. Что же сказать о попыткѣ распространить эту легенду на мое отношеніе къ спеціально русскимъ задачамъ, къ общественнымъ задачамъ въ той странѣ, гдѣ то, что принято называть минимальной программой, выражало собою для марксистовъ предѣльное понятіе тѣхъ правовыхъ и соціаль-

ныхъ измѣненій, которыя должны закрѣпить еще не совершившійся переходъ страны съ одной ступени историческаго развитія, давно изжитой «Западомъ», на высшую? Что сказать о предположеніи, будто бы я и для Россіи признаю отнынѣ только одну общую, основную, цѣль и отрицаю всякія «частныя задачи»? Тѣ, кто, подобно А. Потресову (въ «Дѣлѣ») выставили это утвержденіе, не только не могли бы привести хотя бы одной моей статьи, въ которой я бы проводилъ такой «максимализмъ», но прекрасно знаютъ рядъ моихъ писаній, въ которыхъ отчетливо формулированы весьма конкретныя, «частныя» лозунги для отечественной демократіи. И въ то самое время, когда Потресовъ разсказывалъ читателямъ «Дѣла», что я, подпавъ подъ вліяніе Н. Троцкаго, развиваю—относительно Россіи—его идеи конца 1905 года о «скачкѣ» нашего отечества въ царство «максимальной программы», я печаталъ статью («*Борьба съ имперіализмомъ и русскія задачи*"), спеціально направленную противъ этихъ именно тенденцій Троцкаго.

Мнѣ остается еще коснуться упрека или обвиненія особаго рода, мимо котораго я бы прошелъ, не останавливаясь, еслибъ онъ исходилъ только отъ противниковъ всякой демократіи, а не отъ вчерашнихъ нашихъ единомышленниковъ также. За наши взгляды, за наши выступленія, за нашу критику новыхъ или подновленныхъ иллюзій, мы удостоились строгаго обвиненія въ *недостаткѣ любви къ народу*, въ черствомъ отношеніи къ его непосредственнымъ переживаніямъ, въ доктринерскомъ, разсудочномъ «нейтрализмѣ» передъ лицомъ безчисленныхъ его страданій, въ неспособности вибрировать въ тактъ съ тѣми могучими порывами его духа, которыя вызваны къ жизни грандіозными міровыми событіями...

На зарѣ туманной юности того поколѣнія, вмѣстѣ съ которымъ я пережилъ всю страду знаменательнаго двадцатипятилѣтія въ исторіи россійской общественности, мы уже слышали *этотъ* упрекъ, *это* обвиненіе... Нелюбовь, черствость, разсудочность, безпочвенность —эти эпитеты ласкали нашъ слухъ въ дни, когда, мы твердо и задорно объявили войну старымъ кумирамъ. Много пріяли мы на себя въ тѣ дни за то, что, по словамъ нашимъ антагонистовъ, «возлюбили дальнее», тѣмъ самымъ, какъ утверждали они, прикрывая отсутствіе «любви къ ближнему».

Тогда,—о, тогда иные изъ нынѣ повторяющихъ эти самыя обвиненія гордо умѣли отвѣчать на ламентаціи и упреки представителей сходившаго со сцены поколѣнія! Всѣ мы до сихъ поръ еще съ удовольствіемъ вспоминаемъ страницы, написанныя въ тѣ дни увѣренной

рукой Старовѣра-Потресова; всѣ мы не забыли ядовитыхъ насмѣшекъ, которыми наше право на *эту* «черствость» защищалъ Бельтовъ-Плехановъ.

Теперь:.. теперь соединенныя перья нѣмецкихъ и французскихъ бельгійскихъ, русскихъ и иныхъ публицистовъ демократіи рисуютъ черные силуэты тѣхъ незаконныхъ «учениковъ Маркса», которые-де вытравили изъ себя всякое непосредственное чувство любви и симпатіи къ конкретнымъ, страдающимъ и борющимся народнымъ массамъ.

Исторія повторяется. Исторія добрыхъ чувствъ и гуманныхъ побужденій, мобилизованныхъ противъ подготовляющаго новый переломъ «духа всемірной исторіи».

Коротокъ и грустенъ будетъ мой отвѣтъ на эти обвиненія.

Н. А. Некрасовъ писалъ:

«То сердце не научится любить,
«Которое *устало* ненавидѣть».

Незадолго до своей смерти А. Бебель съ горечью и съ гордостью бросилъ своимъ противникамъ-оппортюнистамъ извѣстныя слова о своей не на моментъ не угасающей ненависти ко всей совокупности тѣхъ явленій, которыя можно суммировать терминомъ «буржуазное общество». Онъ бросилъ ихъ людямъ, которые въ процессѣ постепенныхъ неизбѣжныхъ треній о разныя стороны современной общественности въ сумеречной эпохѣ послѣднихъ десятилѣтій замѣтно «устали ненавидѣть»...

Катастрофа провела рѣзкую психологическую грань между «уставшими» и «не уставшими», между испытывающими потребность въ «успокоеніи» на большой любви къ небольшому «ближнему» и другими... Противъ этого ничего нельзя сдѣлать.

«Научиться любить» затоптанное въ наши дни въ кровь и грязь дѣло человѣчества сможетъ лишь тотъ, кто черезъ сумерки застойной эпохи пронесъ и вихрю міровыхъ событій въ состояніи противопоставить сердце, горящее чувствами, о которыхъ говорилъ Бебель.- *Только съ этими людьми* можетъ быть не безплоденъ какой бы то ни было разговоръ о дѣйствительной «любви къ ближнему».

Л. Мартовъ.

Январь, 1917.

Миѳологія „послѣдней войны“.

Въ Россіи, во Франціи и въ Англіи народныя массы пошли на войну съ одной и той же смутной вѣрой въ то, что данная война будетъ «послѣдней войной». Можно смѣло утверждать: мысль о томъ, что эта война будетъ послѣдней, ведущей къ разоруженію и торжеству права въ международныхъ отношеніяхъ, позволила массамъ переварить разразившуюся въ Европѣ катастрофу.

Правящіе классы очень умѣло воспользовались этой иллюзіей народныхъ массъ. Вѣрнѣе сказать, они, со свойственнымъ имъ классовымъ инстинктомъ, сдѣлали все возможное, чтобы внушить массамъ эту иллюзію и укрѣпить ее въ нихъ при безкорыстной помощи донъ-кихотовъ идеологическаго соціализма и буржуазной демократіи. Не нашлось въ первые дни войны ни одного Шарля Морраса во Франціи или Михаила Меньшикова въ Россіи, чтобы возстать противъ крамольныхъ мечтаній Эрве или Жуо, Уэльса или Кропоткина. Англійскіе имперіалисты не хуже французскихъ колоніальныхъ гешефтмахеровъ повторяли тирады объ «уничтоженіи милитаризма», какъ цѣли настоящей войды. Въ самой Россіи, къ великому соблазну для бурцевообразныхъ малыхъ сихъ, полковники Скалозубы писали въ казенныхъ изданіяхъ объ этой священной цѣли войны.

Съ блестящей яркостью сказалась на этомъ примѣрѣ справедливость той истины, что въ настоящей стадіи общественнаго развитія правящіе классы не могутъ ворочать судьбами государствъ иначе, какъ опираясь на волю демократіи... поскольку, конечно, послѣдняя даетъ себя дурачить при сообщничествѣ или попустительствѣ стоящихъ во главѣ ея партій.

Когда публицисты «Рѣчи» пишутъ: нынѣшняя война есть идейная война, они совершенно правы, это—война, въ которой командующіе классы мобилизовали не только тѣла «поданныхъ», но и дорогія имъ идеи. Вплоть до идеи мира между народами, демократическія идеи должны служить цѣлямъ взаимнаго истребленія пролетаріевъ всѣхъ странъ.

Если соціалисты воюющихъ странъ за истекшіе два мѣсяца почти ничего не сдѣлали для разоблаченія той прозы, которая скрывается

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

ва «идеей» нынѣшней войны, то, по мѣрѣ развитія послѣдней, ея идея сама начинаетъ понемногу разоблачаться и раскрывать свое дѣйствительное содержаніе.

Траги-юмористическій эпизодъ съ Анатолемъ Франсомъ ускорилъ этотъ процессъ выявленія пресловутой идеи во Франціи.

Вы помните, какъ великій французскій писатель, отдавъ должное патріотизму, робко заикнулся о «дружбѣ», которую побѣдоносные союзники подарятъ побѣжденной и освобожденной отъ милитаризма Германіи.

Эта дружба побѣдителя не была ли точнымъ выраженіемъ идеи «послѣдней войны», войны, уничтожающей «вооруженный миръ»?

И, однако, этотъ простой переводъ съ языка туманныхъ формулъ на языкъ житейской прозы произвелъ впечатлѣніе скандала!

Нутро буржуазіи заговорило. И заговорило столь рѣшительно, что Анатоль Франсъ прозрѣлъ.

Съ чуткостью, необычной для преклоннаго возраста, онъ понялъ, что его идеи «дружбы» послѣ бойни устарѣли на два мѣсяца, и поспѣшилъ исправить свои отставшіе часы.

Въ новомъ письмѣ великій французскій писатель заявилъ, о своемъ желаніи стать маленькимъ французскимъ «пьюпью» (солдатомъ).

Нѣсколько паническое отступленіе знаменитаго писателя, не прикрытое ни одной попыткой контръ-аттаки со стороны «гуманистовъ», соціалистовъ и синдикалистовъ, показало дѣловымъ людямъ реакціи, что они могутъ перейти въ наступленіе.

Какъ! Война ведется только противъ кайзера?—говорятъ они ежедневно.—Неправда! Это—война противъ германской націи!

Какъ! Хотятъ ограничить нашу ненависть предѣлами прусскаго юнкерства? Пустое! Это—война *расъ*, предполагающая непримиримую расовую вражду и т. д. и т. д.

Даровитый реакціонный публицистъ Юніусъ въ «Echo de Paris» пишетъ: «La dernière guerre»—нелѣпая фраза—такъ г. Юніусъ характеризуетъ нынче ставшую шаблонной формулу: «эта война будетъ послѣдней». И онъ совершенно правъ, называя ее нелѣпой. Онъ только не упоминаетъ о томъ, что его присные сознательно и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ культивировали въ теченіи недѣль эту «нелѣпую фразу», одну изъ тѣхъ фразъ, которыми, по выраженію Генриха Гейне, «баюкаютъ великаго дурня—народъ».

«Грандіозность катастрофы»,—совершенно справедливо пишетъ Юніусъ,—и ея міровой характеръ позволяютъ предвидѣть въ часъ

заключенія мира лишь такую ликвидацію, которая будетъ чревата осложненіями». Именно!

Миѳъ о непорочномъ зачатіи международнаго мира богиней всемірной войны начинаетъ, очевидно, стѣснять самихъ миѳотворцевъ по мѣрѣ того, какъ часъ ликвидаціи приближается и коммерческіе и имперіалистскіе аппетиты правящихъ классовъ начинаютъ пробуждаться.

«Всякая война есть афера»,—какъ говорилъ тотъ же Анатоль Франсъ въ тѣ недалекія времена, когда онъ званіе великаго писателя еще предпочиталъ званію маленькаго солдата. Свой афоризмъ онъ примѣнялъ тогда даже къ войнѣ возставшихъ ангеловъ противъ небеснаго повелителя, несмотря на всю ея «идейность».

Всякая война есть капиталистическая афера, и лишь въ томъ случаѣ война можетъ привести къ прекращенію войнъ, если она приведетъ къ прекращенію «аферъ», къ прекращенію капитализма.

Не говоря уже о томъ, что нынѣшняя война, ведущаяся реакціонными и консервативными правительствами, не разрѣшитъ радикально тѣхъ національныхъ вопросовъ, которые требуютъ сохраненія «вооруженнаго мира, не говоря уже о томъ, что торжество завоевательныхъ аппетитовъ должно будетъ создать ныне очаги стремленія къ «реваншу» —самое перемѣщеніе политическаго и экономическаго центра тяжести въ капиталистическомъ мірѣ сулитъ человѣчеству послѣ данной войны будущее, чреватое осложненіями».

Антагонизмъ между Англіей и Россіей на Ближнемъ и на Дальнемъ Востокѣ; бѣшеная борьба между европейскимъ Западомъ и Соединенными Штатами изъ-за гегемоніи на міровомъ рынкѣ, соперничество между Италіей и Франціей изъ-за первенства на Средиземномъ морѣ; «желтая опасность» со стороны Японіи, впервые допущенной къ участію въ кровавомъ концертѣ великихъ державъ; наконецъ, еще неясныя, но несомнѣнныя пертурбаціи въ нѣдрахъ мусульманскаго міра, которыя несетъ съ собою нынѣшняя война,—таковы новыя международныя проблемы, которыя во весь ростъ встанутъ передъ обезсиленнымъ, истрепленнымъ, духовно выпотрошеннымъ и на столѣтіе поглупѣвшимъ человѣчествомъ на второй день послѣ заключенія мира!

Это—въ случаѣ (наиболѣе вѣроятной) побѣды союзниковъ.

Нечего и прибавлять, что побѣда германо-австрійскаго союза сулитъ человѣчеству не болѣе утѣшительные результаты.

Совершенно неосновательно Карлъ Каутскій рисуетъ (очевидно, на случай германской побѣды*) возможныя перспективы частичнаго разоруженія и разряженія международной атмосферы.

Если побѣдитель не черезчуръ унизитъ побѣжденнаго и въ то же время навяжетъ ему разоруженіе, то, лишенный импульса къ соревнованію на почвѣ вооруженій, онъ самъ, занявшись возстановленіемъ разрушенныхъ производительныхъ силъ, проявитъ готовность остановить темпъ развитія милитаризма.

Въ этой умѣренной и аккуратной идилліи отсутствуетъ только картина заводовъ Круппа, перековывающихъ мечи на орала, и германскихъ «трансатлантиковъ», которые англійскими и сѣверо-американскими пилотами вводятся въ заморскія гавани для мирнаго импортированія германскихъ товаровъ.

Маленькая утопія частичнаго разоруженія послѣ этой войны проникнута столь же великимъ утопизмомъ, какъ и поэма «послѣдней войны» и выростающихъ изъ нея «соединенныхъ штатовъ Европы».

Иллюзіи гибнутъ, факты остаются.

Увядаютъ цвѣты наскоро скомпанованой миѳологіи. Во всей жестокой грубости встаетъ фактъ доведенныхъ до крайняго, до послѣдняго обостренія внутреннихъ противорѣчій капиталистической цивилизаціи, изъ которыхъ нѣтъ иного выхода, какъ эра непрерывныхъ міровыхъ войнъ или прекращеніе господства «аферы» въ жизни человѣчества.

Только марксизмъ, но марксизмъ подлинный, освобожденный отъ исторической ограниченности, въ свое время необходимыхъ и прогрессивныхъ, но нынѣ пережившихъ себя, шаблоновъ повседневной политики и къ ней приспособившейся идеологіи, марксизмъ вѣчно живой, безпощадно враждебный всякой соціальной миѳологіи, въ классовой борьбѣ почерпающій свою идейную мощь и классовую борьбу одухотворяющій великими цѣлями, дастъ всемірной демократіи отвѣтъ на вопросъ, поставленный кровавыми событіями.

Задача завоеванія политической власти властно встанетъ на очередь дня въ часъ «ликвидаціи» нынѣшней войны. И въ свѣтѣ этой ослѣпительно яркой задачи расплывутся смутныя очертанія и созданныхъ народнымъ воображеніемъ миѳовъ и высиженныхъ кабинетнымъ путемъ маленькихъ утопій.

8 окт. 1914. «Голосъ» (Парижъ).

*) Въ этомъ пунктѣ я, повидимому, ошибался: судя по послѣдующимъ выступленіямъ К. Каутскаго, онъ свои надежды связывалъ не съ побѣдой Германіи, а съ неуспѣхомъ ея завоевательныхъ замысловъ или съ исходомъ «въ ничью».

Промышленники и война.

Въ особой декларацiи, напечатанной въ «Промышленности и Торговли», совѣтъ съѣздовъ даетъ, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», «общую оцѣнку причинамъ войны и ея значенiя съ точки зрѣнiя промышленности».

Вотъ какiя мысли излагаются въ этомъ документѣ:

«*Въ основѣ войны лежало непримиримое противорѣчiе* экономическихъ нѣмецкихъ и русскихъ интересовъ, созданное выгодными для Германiи договорами».

Остановимся на этомъ. Промышленники, какъ люди дѣла, очень хорошо видятъ «основу» войны и ищутъ ея не въ «борьбѣ за демократiю и культуру», не въ «борьбѣ противъ милитаризма», не въ борьбѣ за нацiональную свободу Сербiи, а въ столкновенiи опредѣленныхъ экономическихъ интересовъ. Они, конечно, видятъ не всю «основу», а только часть ея. Рядомъ съ указанною ими противоположностью, въ возникновенiи войны играла также роль противоположность имперiалистскихъ интересовъ Англiи и Германiи, противоположность «экспансiонныхъ» тенденцiй австрiйскаго и русскаго правительства и противоположность интересовъ международной буржуазiи и международнаго пролетарiата, грозившаго ея господству. Дѣйствiемъ всѣхъ этихъ экономическихъ пружинъ вызвана война, и на этой экономической основѣ выростаютъ всѣ идеологическiя попытки ея оправданiя.

Выгодные для Германiи договоры для русскихъ промышленниковъ невыгодны тѣмъ, что не ограждаютъ ихъ отъ конкуренцiи германской «дешевки». Стало быть, борьба за такъ наз. «экономическое освобожденiе» Россiи отъ «германскаго засилья» есть между прочимъ, борьба за *усиленiе протекцiонныхъ пошлинъ*. До сихъ поръ русскiе марксисты *не считали* дальнѣйшее усиленiе протекцiонизма необходимымъ для свободнаго развитiя производительныхъ силъ. До сихъ поръ они полагали, что не нѣмецкое, а Пуришкевическое засилье, устранимое не внѣшней, а внутренней «войной», сковываетъ развитiе производительныхъ силъ. Плехановъ и Масловъ, подхватившiе лозунгъ экономичес-

каго раскрѣпощенія Россіи отъ Германіи, должны доказать намъ, что русскіе марксисты были неправы. Пойдемъ дальше.

«Побѣдительница Россія должна *продиктовать свою экономическую программу побѣжденному*. Безъ такого результата всѣ принесенныя жертвы окажутся потерянными и тяжелымъ, непереносимымъ грузомъ лягутъ на потрясенную хозяйственную жизнь. *Промышленники желаютъ войны до конца*... ибо нѣтъ такихъ жертвъ, которыя бы мы не были готовы принести для сверженія экономическаго ига Германіи и завоеванія хозяйственной самостоятельности».

Русская буржуазія, неспособная завоевать «хозяйственную самостоятельность» въ борьбѣ съ внутренними врагами экономическаго прогресса, стремится завоевать ее на полѣ международной брани. Это въ порядкѣ вещей. Но можетъ ли это заставить русскихъ марксистовъ измѣнить ихъ отношеніе къ русской буржуазіи и къ ея имперіалистскимъ «идеаламъ»?

«Голосъ». Ноябрь 1914 г.

А Маркса оставьте въ покоѣ...

„Вальяна обвиняютъ въ томъ, что онъ толкаетъ Италію на войну Но развѣ никогда нельзя толкать какую бы то ни было страну на войну? Марксъ въ 1847 г. говорилъ, что если революція побѣдитъ въ Германіи, то первымъ шагомъ революціонной Германіи будетъ объявленіе войны Россіи. Но никому и въ голову не приходило заподозрить, благодаря этому, Маркса въ шовинизмѣ".

Такъ разсуждаетъ Г. В. Плехановъ, полагающій, повидимому, что именемъ Маркса, какъ старой тряпкой, слѣдуетъ затыкать всѣ трещины, образовавшіяся въ оффиціальномъ міросозерцаніи соціалистическаго Интернаціонала.

Марксисты не обязаны слѣпо повторять всякое слово, сказанное 60 и болѣе лѣтъ назадъ Марксомъ: частныхъ ошибокъ въ политическихъ сужденіяхъ Маркса было столько же, сколько въ сужденіяхъ каждаго крупнаго и самостоятельнаго мыслителя. Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не объ ошибочномъ сужденіи Маркса, а объ его вѣрной мысли, о томъ, что внѣшняя война можетъ быть однимъ изъ орудій *національной революціи*, и въ этомъ случаѣ можетъ служить факторомъ историческаго прогресса.

«Если революція побѣдитъ въ Германіи», передаетъ Плехановъ мысль Маркса, «она должна будетъ начать войну съ Россіей». Этого условія, кажется, достаточно, чтобы сдѣлать непозволительной ссылку на Маркса въ примѣненіи къ Вальяну (и Плеханову), толкающимъ Италію на войну.

Революція, которой обязался служить Вальянъ,—революція пролетаріата—не побѣдила во Франціи и Англіи. Дѣло, которому обязался, сверхъ того, служить Плехановъ, дѣло демократическаго освобожденія—не побѣдило въ Россіи. Изъ чего слѣдуетъ, что соціалистамъ Франціи и Россіи, толкающимъ на войну, не приходится ссылаться на Маркса.

«Освободительная» война славяно-романскаго міра противъ германскаго скорѣе ужъ можетъ быть обоснована ссылкой на Бакунина... Хотя и то сказать: у покойнаго «апостола разрушенія» его панслa-

вистскій шовинизмъ былъ окрашенъ въ романтично-революціонный цвѣтъ. Вѣдь, онъ отъ разгрома Германіи ждалъ уничтоженія не только милитаризма, но и классоваго государства и самаго капитализма.

Замѣтьте, что по другую сторону Рейна именемъ Маркса съ неменьшимъ успѣхомъ затыкаютъ обнаружившіяся въ идейномъ облаченіи дыры.

Недавно антиподъ Плеханова Эдуардъ Бернштейнъ тщательно выписываетъ изъ Маркса (и Энгельса) всѣ цитаты, говорящія о необходимости для германской демократіи вести войну противъ русской реакціи.

Изъ однѣхъ и тѣхъ же цитатъ Плехановъ и Бернштейнъ дѣлаютъ противоположные выводы.

Марксъ проповѣдывалъ революціонную войну противъ Россіи. *Поэтому* Плехановъ поддерживаетъ не революціонную (контръ-революціонную) борьбу противъ Германіи. Поэтому же Бернштейнъ поддерживаетъ не-революціонную,—контръ революціонную войну нынѣшней Германіи противъ Россіи.

Нынѣшняя война несетъ за собою всяческое варварство, всяческое злостное и легкомысленное попираніе культурныхъ цѣнностей... Великія могилы не только забываются, но и профанируются.

Но намъ нужны великія могилы, если нѣтъ величія въ живыхъ!

Съ Марксомъ за дѣло освобожденія и съ Марксомъ противъ милитаризма!

23 окт. 1914 г.

Война и Г. В. Плехановъ.

Въ двухъ открытыхъ письмахъ, помѣщенныхъ въ Лондонской «Justice» и (съ пропусками) въ петроградской «Рѣчи», Г. В. Плехановъ выясняетъ свое отношеніе къ войнѣ.

Въ «Рѣчи» онъ поясняетъ, во-первыхъ, что экономическое закабаленіе Россіи Германіей онъ усматриваетъ не въ русско-германскомъ договорѣ 1904 года, а въ томъ, который Германія навязала бы Россіи въ случаѣ побѣды; во-вторыхъ, что, будучи непримиримымъ врагомъ войны, онъ, тѣмъ не менѣе, не становится на точку зрѣнія одинаковой вины всѣхъ воюющихъ (НВ: точка зрѣнія декларації соц.-дем. фракціи), но признаетъ нападающей стороной Германію и желаетъ, чтобы нападающая сторона была «наказана».

Эта постановка вопроса отличается той геніальной простотой, которая свойственна всѣмъ великимъ открытіямъ. Плехановъ, по его словамъ, не желаетъ слѣдовать совѣтамъ пушкинской капитанши: «разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи». Онъ считаетъ, что для русской публики достаточно *половины* той мудрости, которая отличала пушкинскую капитаншу и которая, признаться, нѣсколько полиняла отъ слишкомъ частаго цитированія ея тов. Плехановымъ. Разбери, кто правъ и кто виноватъ,—обязательно; но накажи только того, кто виноватъ: такова мудрость самого тов. Плеханова.

Эта политическая максима имѣетъ то удобство, что искони примѣнялась въ международной политикѣ. Наполеонъ I былъ несомнѣнно «виноватъ» въ войнахъ начала 19-го вѣка. *За это* Францію наказали ужасами казацкаго постоя 1814 года, бѣлымъ терроромъ, реставраціей Бурбоновъ и т. д. и т. д. Наполеонъ III былъ «виноватъ» въ войнѣ 1870 г. *За это* Францію «наказали» пятимилліардной контрибуціей и отнятіемъ Эльзаса и Лотарингіи. Болгарія была явно «виновата» въ войнѣ съ союзниками въ 1913 году; за это ее «наказали» отнятіемъ болгарской Македоніи и болгарской Добруджи и т. д. и т. д. И, условившись, что нынѣ виноваты Германія и Австрія, мы уже можемъ беззаботно желать ихъ

«наказанія» въ видѣ наложенія на германскій народъ контрибуціи, въ видѣ отнятія нѣмецкихъ территорій и т. п.

Передъ англійскими соціалистами, привыкшими *обвинять англійскій имперіализмъ въ аггрессивности*, не уступающей аггрессивности германскихъ юнкеровъ, Г. В. Плехановъ не можетъ, однако, аргументировать доводомъ, о нападающей и обороняющейся сторонѣ: передъ ними онъ долженъ разсѣять опасеніе о возможности усиленія русской реакціи. И онъ это дѣлаетъ съ той же геніальной простотой.

Въ случаѣ побѣды, Германія закабалитъ Россію экономически. А такъ какъ экономическій прогрессъ есть основаніе прогресса политическаго и соціальнаго, то ясно, что задержка въ экономическомъ развитіи Россіи лишитъ или почти лишитъ насъ возможности вести успѣшную борьбу съ реакціей.

Пушкинская штабсъ-капитанша ничего не поняла бы въ этомъ разсужденіи; но и не всякій современный бравый капитанъ сумѣлъ бы такъ «по военному» обойтись съ матеріалистической истиною, устанавливающей зввисимость политическаго прогресса оть экономическаго.

Грозящее Россіи со стороны Германіи экономическое закабаленіе есть націоналъ-либеральная сказка—такая же сказка, какъ грозящее ей съ той же стороны культурное «онѣмеченіе» и политическое порабощеніе. 170-ти милліонной имперіи съ восьмимилліонной арміей *ничего* не грозитъ отъ «внѣшнихъ враговъ». Кто васъ, Китъ Китычъ, обидитъ: вы сами всякаго обидите. Условія мира, которыя въ случаѣ пораженія, могутъ быть навязаны Россіи, могутъ остановить ея «безболѣзненное» *превращеніе въ новую Германію*, въ грандіозную дворянско-буржуазную имперіалистскую и милитаристскую державу, развивающую колоссальныя производительныя силы при сохраненіи политическаго господства аграріевъ. О такомъ именно безболѣзненномъ превращеніи и о рѣшеніи такимъ путемъ коренного вопроса русской исторіи мечтаютъ гг. Струве, ищущіе въ побѣдоносной войнѣ логическаго завершенія начатаго 1905-ымъ годомъ кризиса. Но изъ состоянія экономической придавленности и приниженности, создающей возможность «закабаленія» европейскимъ капиталомъ, Россія въ 1905 году стремилась выйти другимъ возможнымъ путемъ, путемъ коренного демократическаго преобразованія, путемъ революціи. Демократическая Россія не нуждалась бы во внѣшней побѣдѣ, чтобы ея капитализмъ могъ свободно развиваться, не боясь экономическаго закабаленія. Неуспѣхъ реакціи въ данной войнѣ, закрывъ путь къ имперіалистскому, «бисмарковскому» націоналъ-либеральному рѣшенію

коренного вопроса русской жизни, лишь снова обострилъ бы ея противорѣчія и снова поставилъ бы на очередь вопросъ о радикальной ликвидаціи стараго режима—о революціи.

Конечно, можно себѣ представить такую степень военнаго разгрома, уничтоженія производительныхъ силъ, опустошенія и расчлененія страны, при которомъ мыслимъ сильный экономическій регрессъ, ведущій къ полной невозможности политическаго развитія. Такое значеніе имѣла тридцатилѣтняя война для Германіи. Но *такая* опасность реально не грозитъ Россіи. Своей громадностью она достаточно защищена отъ подобной опасности. Россійской реакціи грозитъ только одно: неуспѣхъ ея *захватныхъ* плановъ въ Галиціи и Познани, на Черномъ морѣ и т. д., необходимыхъ ей для того, чтобы путемъ значительнаго территоріальнаго расширенія, созданія еще большей національной пестроты населенія, эксплуатаціи положенія мощной великой державы и, можетъ быть, многомилліардной контрибуціи, «по бисмарковски» рѣшить и передъ нею стоящій вопросъ приспособленія политическихъ формъ къ требованіямъ экономическаго развитія. И только упорное настаиваніе реакціи на успѣхѣ этихъ плановъ, упорное затягиваніе войны до тѣхъ поръ, пока союзники будутъ достаточно мощны, чтобы не только *отбить, но и раздавить* Германію, можетъ серьезно поставить передъ русскимъ народомъ опасность такого разоренія и такихъ послѣдствій неудачи, которыя явятся угрозой экономическому прогрессу.

Вотъ почему Плехановъ сдѣлалъ бы лучше, если-бъ убѣждалъ англичанъ и русскихъ въ томъ, что имъ надо отказаться отъ программы *военнаго разгрома Германіи*, предполагающаго (какъ и прусская программа военнаго разоренія Россіи)такое расточеніе производительныхъ силъ, которое всю Европу можетъ привести къ экономическому одичанію и вырожденію.

Экономическій прогрессъ есть основа соціальнаго и политическаго. Конечно. Но это не значитъ, что всякій, купленный *любою цѣною* шагъ по пути экономическаго прогресса непосредственно отражается шагомъ впередъ на пути политическаго развитія. Выгодный для экономическаго развитія торговый договоръ можетъ быть купленъ цѣною такихъ политическихъ «закрѣпленій», которыя не дадутъ реализоваться въ сколько-нибудь полной мѣрѣ выгодамъ, ожидаемымъ отъ этого договора для народнаго хозяйства.

Поэтому, положеніе о зависимости политическаго прогресса отъ экономическаго такъ же мало можетъ служить путеводной звѣздой для россійскаго гражданина въ нынѣшнемъ хаосѣ, какъ и положеніе

о томъ, что наказывать надо виноватаго и только его. При этомъ еще эти два положенія могутъ вступать между собою въ конфликтъ. Ибо, если мы должны желать разгрома Германіи *потому*, что этой цѣной покупается для Россіи экономическій прогрессъ, то, очевидно, для насъ уже не важно, «винована» ли Германія. Мы должны, подобно Максимиліану Гэрдену, сказать: «виновато ли мое отечество или нѣтъ, оно должно побѣдить». А съ другой стороны: если стать на точку зрѣнія необходимости наказанія виноватаго, то такъ ли ужъ важно, получится ли отъ этого наказанія «интересная прибыль» для наказующаго? такъ ли ужъ важно, будетъ ли наказаніе содѣйствовать экономическому прогрессу въ странѣ наказующей?

Методъ упрощеннаго оперированія съ афоризмами экономическаго матеріализма такъ же мало пригоденъ для рѣшенія историческихъ проблемъ, какъ и «этическій» методъ, оперирующій съ категоріями «праваго» и «виноватаго», «преступленія» и «наказанія».

30 октября 1914 г.

Ни германофобія, ни германофильство.

Какъ сообщаютъ, извѣстный соціалъ-демократъ Парвусъ выступилъ на собраніи въ Софіи съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что побѣда Германіи въ настоящей войнѣ будетъ побѣдой демократіи. Нѣкоторыя, извѣстныя намъ предыдущія выступленія Парвуса, проникнутыя тою-же тенденціей, даютъ основаніе отнестись съ довѣріемъ къ этому сообщенію.

Мы не знаемъ, въ качествѣ германскаго или въ качествѣ русскаго соціалъ-демократа говорилъ Парвусъ въ Софіи. Въ первомъ случаѣ онъ самъ себя включилъ въ число тѣхъ Зюдекумовъ, которые, въ роли волонтеровъ юнкерской дипломатіи, обслуживаютъ за границами Германіи завоевательные интересы ея имперіализма. Но мы знаемъ, что въ прокламаціи, обращенной *къ русскимъ соціалистамъ*, помѣченной Константинополемъ и подписанной Парвусомъ, послѣдній говоритъ въ качествѣ русскаго соціалъ-демократа, ожидающаго отъ военной побѣды Германіи вспышки революціи въ Россіи.

Передъ нами, такимъ образомъ, фактъ наличности въ россійскихъ соціалистическихъ кругахъ извѣстнаго *германофильскаго* теченія, прямо противоположнаго по своимъ выводамъ тому руссо—и франко-фильскому теченію, которое заявляетъ себя въ выступленіяхъ Плеханова-Алексинскаго, Рубановича, Маслова и т. д. Несомнѣнно также, что Парвусъ не одинокъ и что германо-австро-и туркофильскія тенденціи свили себѣ гнѣздо среди соціалистическихъ элементовъ Россіи. Особенно даютъ о себѣ знать эти тенденціи среди соціалистическихъ или близкихъ къ соціализму элементовъ нѣкоторыхъ угнетенныхъ въ Россіи народностей.

Если на одномъ полюсѣ политическая реакціонность прусскаго юнкерства представляется достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы въ центрѣ заботъ всемірной демократіи поставить вопросъ о борьбѣ съ нимъ и, ради этой борьбы, рисковать даже усиленіемъ позиціи реакціи въ Россіи и Зап. Европѣ, то на другомъ полюсѣ мы встрѣчаемъ ненависть къ реакціи россійской въ такой формѣ, которая могла бы вызвать симпатію къ даннымъ людямъ, если бы эта ненависть не дѣлала ихъ слѣпыми и не заставляла ихъ видѣть и въ прусской, и въ австрійской, и даже въ турецкой реакціи историческихъ союзниковъ русскаго народа въ его борьбѣ за освобожденіе.

Германофобія однихъ, какъ и германофильство другихъ, питаются, въ концѣ-концовъ, однимъ и тѣмъ же источникомъ: забвеніемъ классовой точки зрѣнія, принципа самостоятельной пролетарской политики.

Въ имперіалистской войнѣ, спаивающей одни государства съ другими не общностью однородныхъ историческихъ задачъ, поставленныхъ передъ каждою изъ нихъ ея внутреннимъ развитіемъ, а исключительно общностью захватныхъ интересовъ и случайнымъ скрещиваніемъ національныхъ вожделѣній буржуазіи отсталыхъ или слабыхъ государствъ съ путями имперіалистской экспансіи государствъ-гигантовъ,—въ такой войнѣ, какъ мы неоднократно на это указывали, ни одна изъ воюющихъ сторонъ ни субъективно, ни объективно, ни абсолютно, ни относительно не является носительницей историческаго прогресса и революціоннаго преобразованія міра. Единственный общій соціальный интересъ, который спаиваетъ между собою различныя государства въ этой свалкѣ, спаиваетъ всѣ ихъ, независимо отъ ихъ группировки между «союзомъ» и «согласіемъ» и вопреки войнѣ между ними: это интересъ *соціальнаго консерватизма*, заставляющій правящіе классы повсюду смотрѣть на эту «славную» войну прежде всего, какъ на ударъ, нанесенный рабочей демократіи, и использовать ее и ея результаты прежде всего для того, чтобы на десятки лѣтъ отбросить назадъ рабочій классъ и возродить прежнія, антидемократическія формы классовой диктатуры.

Вотъ почему угнетенныя крупными государствами народности, повѣрившія своимъ или чужимъ правительствамъ и пытающіяся связать судьбу своихъ національныхъ чаяній съ побѣдой тѣхъ или другихъ, обречены сыграть въ этой всемірной трагедіи роль обманутыхъ простаковъ, кровью которыхъ спаивается враждебное ихъ интересамъ дѣло. Ибо внѣ торжества пролетаріата надъ имперіализмомъ немыслимо нынѣ даже частичное прогрессивное рѣшеніе ни одной изъ нерѣшенныхъ доселѣ національныхъ проблемъ. Соціалисты-же, которые прилагаютъ свои руки къ дѣлу использованія завоевательнымъ имперіализмомъ,—все равно, какимъ—національно освободительныхъ стремленій, играютъ объективно роль прихвостней одной изъ реакцій, превращаются въ соучастниковъ одного изъ величайшихъ политическихъ обмановъ, при которомъ мы нынѣ присутствуемъ и послѣдней цѣлью котораго является нанести смертельный ударъ соціализму и пролетаріату.

Въ *каждой* изъ воюющихъ странъ военныя неудачи и конечное

пораженіе могутъ создать объективно благопріятныя условія для развитія задержаннаго самой войной процесса наростанія народныхъ силъ. Ихъ демократія сумѣетъ и обязана будетъ использовать, какъ она съумѣетъ использовать и тѣ благопріятныя для движенія условія, которыя могутъ явиться въ результатѣ побѣды данной страны. Примѣръ —война 1870—71 г. и русско-японская война, результатами которой воспользовалась демократія той и другой страны. Но чтобы этими результатами воспользовалась именно демократія въ томъ и другомъ случаѣ, чтобы побѣда не сопровождалась ростомъ въ народныхъ массахъ завоевательнаго, а пораженіе—ростомъ «реваншистскаго» національнализма; чтобы соціальное возмущеніе послѣ войны не распылилось въ безсмысленно-анархистскихъ проявленіяхъ и не было отведено въ русло соціальной демагогіи,—демократія должна въ теченіе самой войны отчетливо отдѣлить свое дѣло отъ спекуляціи тѣхъ и другихъ завоевателей, явиться передъ массами въ роли общественной силы, которая ни на минуту не санкціонировала ни преступленія исторической катастрофы, ни ея иллюзій, которая осталась чиста и отъ крови ея безчисленныхъ жертвъ и отъ грязи сопровождающихъ ее политическихъ спекуляцій. Прежде чѣмъ капиталистическая буржуазія скажетъ *послѣднюю истину* объ этой войнѣ—то, что главной ея цѣлью, въ концѣ-концовъ, является не перемѣщеніе той или иной границы, не пересмотръ того или иного торговаго договора, а остановка историческаго движенія пролетаріата, упроченіе классоваго господства нынѣшнихъ властителей Европы,—демократія должна проникнуться сознаніемъ, что въ нынѣшнемъ кризисѣ она должна выступить, какъ сила, идейно и политически независимая отъ консервативныхъ силъ современнаго общества, въ хаосѣ историческаго катаклизма прежде всего творящая свое дѣло.

Германофильство, какъ и германофобія, являются равно «кривыми зеркалами», въ которыхъ пролетаріатъ равно не можетъ найти свое отраженіе во всемірной свалкѣ, стирающей соціальныя грани. Одно такъ же вредно, какъ и другое, и оба взаимно питаютъ другъ друга. Отметая и германофобію, и германофильство во имя международной позиціи, россійская демократія должна бороться, какъ съ прямыми своими врагами, со всѣми тѣми, которые пытались бы подъ предлогомъ борьбы съ русской реакціей отдать на службу авантюристамъ германской, австрійской или турецкой дипломатіи кровь ея сыновъ и честь ея знамени

6 февр. 1915 г.

Почему Марксъ „пангерманистъ“.

Съ замѣчательнымъ постоянствомъ къ одной темѣ возвращается французская буржуазная и реакціонная печать. Эта тема—о «пангерманизмѣ» Маркса. Въ «Temps», въ «L'Homme En chaine», въ «Matin» и въ «Action Française» только и читаешь о томъ, что авторъ «Капитала» былъ однимъ изъ активнѣйшихъ и опаснѣйшихъ агентовъ германскаго «нашествія» на Европу, точь въ точь какъ Бисмаркъ или Круппъ.

О томъ, съ какимъ знаніемъ дѣла трактуется прессой этотъ вопросъ, можно судить по слѣдующему примѣру: Клемансо считаетъ нужнымъ въ своей газетѣ «исправить» вкравшуюся въ его статью о Марксѣ «описку»: цитируя анархиста Джемса Гильома, онъ назвалъ его «другомъ Бакунина». Надо читать, исправляетъ Клемансо, «друга Кропоткина». На самомъ дѣлѣ, всякій хоть немного слышавшій объ исторіи перваго Интернаціонала, знаетъ, что Джемсъ Гильомъ былъ другомъ и соратникомъ Бакунина въ его борьбѣ противъ Маркса. Эти люди выясняющіе на основаніи памфлета Гильома или сикофантскихъ статей какого-нибудь Лазкина, политическую физіономію Маркса, такъ хорошо знакомы съ его дѣятельностью и его эпохой, что, если и сдѣлаютъ какое-либо фактически вѣрное замѣчаніе, то единственно по ошибкѣ или обмолвкѣ.

Насъ, однако, сейчасъ интересуетъ не самая легенда о Марксовомъ «пангерманизмѣ»—легенда, фабрикаціи которой отдаютъ свои творческія силы Дж. Гильомъ, Ю. Гарденинъ и тому подобные представители идеалогической реакціи въ соціализмѣ, безкорыстно работающіе на пользу реакціи классовой и политической. Намъ въ данный моментъ важно обратить вниманіе читателей на то, почему классовая и политическая реакція такъ вплотную занялась «ревизіей» біографіи К. Маркса, какъ общественнаго дѣятеля.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ изъ оправдавшихся «предсказаній» Маркса былъ его прогнозъ перспективъ рабочаго движенія послѣ побѣды Германіи въ 1870 году. Центръ всемірнаго рабочаго движенія, сказалъ онъ, перенесется въ Германію.

И въ самомъ дѣлѣ. Послѣдовавшая за 1870—71 г. г. историческая

полоса характеризуется политической гегемоніей германской с.-д.-іи во всемірномъ рабочемъ движеніи и идейной гегемоніей непосредственно связаннаго съ ней марксизма.

Кризисъ и развалъ второго Интернаціонала, вызванный всемірной войной, пробудилъ среди идеологовъ и политиковъ правящихъ классовъ серьезныя надежды на «перерожденіе» современнаго рабочаго движенія: на его «націонализацію», на притупленіе его революціоннаго жала. Въ Германіи эти надежды пріурочены къ торжеству надъ «марксистской «ортодоксіей» того «ревизіонизма», который открыто ставитъ на своемъ знамени отказъ отъ марксистскаго наслѣдія. Во Франціи, Англіи, Россіи рѣчь идетъ объ освобожденіи мѣстнаго рабочаго движенія изъ-подъ того вліянія «германскаго» марксизма, которое въ свое время убило въ этихъ странахъ «самобытныя» формы соціалистической и рабочей идеологіи: прудонизмъ и бланкизмъ, тредъюніонизмъ, бакунизмъ и субъективизмъ.

Исторической интернаціональной заслугой германской соціалъ-демократіи было созданіе образцовыхъ формъ организаціи повседневной классовой борьбы и всестороннее использованіе для цѣлей этой борьбы созданныхъ классовымъ обществомъ въ своихъ интересахъ формъ политическаго строя. Тѣмъ и другимъ она выработала могучій рычагъ воздѣйствія на сознаніе наиболѣе широкихъ народныхъ массъ, какія когда-либо играли активную роль въ процессѣ исторической жизни.

Политическіе и организаціонные методы германской соціалъ-демократіи—а, вмѣстѣ съ ними, марксистская теорія соціализма—все болѣе пропитывали собою классовое движеніе во всемъ мірѣ. Мудрено ли, что буржуазная реакція и на Западѣ, и на Востокѣ всегда склонна была видѣть въ современномъ соціалистическомъ движеніи продуктъ «нѣмецкаго вліянія», проникшаго незаконно въ самобытную душу народа и развратившаго ее.

Теперь, когда имперіалистская Германія предстала передъ втянутыми въ войну націями въ отталкивающемъ образѣ державы-хищницы, до крайнихъ предѣловъ развившей воинствующій націонализмъ. буржуазія «союзныхъ» странъ естественно стремится использовать это положеніе, чтобы разрушить плоды многолѣтняго вліянія германской соціалъ-демократіи и марксизма на пролетаріатъ этихъ странъ. Вотъ почему злобная «нѣмцефобія», нынѣ процвѣтающая въ Россіи, Англіи и Франціи, имѣетъ еще болѣе непосредственное классовое содержаніе, чѣмъ столь же безобразная по проявленіямъ англофобія нѣмецкихъ націоналистовъ. Когда черносотенцы улицы громятъ фирму Maggi или

Эйнемъ, ихъ мишенью являются эти самыя мнимо или дѣйствительно нѣмецкія торговыя предпріятія. Но когда ихъ духовные руководители, политики и литераторы ведутъ свою работу по провокаціи погромовъ, они имѣютъ въ виду борьбу съ другой «фирмой»—съ фирмой: Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ.

Вотъ почему соціалисты и демократы, по невѣжеству, шовинистическому ослѣпленію или фракціонныхъ счетовъ ради поддакивающіе борьбѣ противъ марксизма, какъ якобы разновидности германскаго націонализма, безсознательно играютъ на руку худшимъ реакціонерамъ.

Само собою разумѣется, что капитуляція германской с.-д. партіи передъ отечественнымъ имперіализмомъ въ тотъ именно моментъ, когда надо было рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, бороться съ нимъ, облегчаетъ эту работу международной реакціи. Если послѣ десятковъ лѣтъ вновь могла воскреснуть и широко распространиться забытая легенда 60-хъ г. о «пангерманизмѣ» Маркса и всей соціалъ-демократіи, то непосредственно отвѣтственными за это являются нынѣшніе лидеры послѣднихъ, воистину расточившіе наслѣдіе своихъ славныхъ предковъ—высокій престижъ марксизма въ международномъ рабочемъ движеніи.

Но дѣло марксизма потому именно стало универсальнымъ знаменемъ рабочаго движенія, что, не будучи сектой, марксизмъ коренится не въ специфическихъ національныхъ условіяхъ исторической жизни того или иного пролетаріата, но въ общихъ условіяхъ, опредѣляющихъ существованіе пролетаріата, какъ класса. Не путемъ захватовъ, не путемъ «гипноза» овладѣлъ марксизмъ міровымъ рабочимъ движеніемъ, а въ результатѣ многотруднаго процесса развитія, продѣланнаго послѣднимъ. И тѣмъ самымъ, что марксизмъ овладѣлъ движеніемъ, онъ пересталъ быть «нѣмецкой выдумкой», онъ не можетъ быть отождествляемъ съ нѣмецкой соціалъ-демократіей. Какова бы ни была нынѣшняя капитуляція послѣдней, она не означаетъ капитуляціи, или банкротства марксизма. На призывы буржуазныхъ сиренъ и ихъ соціалистическихъ подголосковъ отряхнуть съ себя «нѣмецкое засиліе», отказаться отъ соціализма классовой борьбы и вернуться къ первобытнымъ «національнымъ» формамъ безобиднаго мѣщанскаго или неопаснаго для буржуазіи романтическаго соціализма, демократія имѣетъ всѣ основанія отвѣтить насмѣшливымъ пожатіемъ плечъ. Не въ національной реакціи противъ марксизма, а въ развитіи и въ всесторонней реализаціи интернаціоналистскаго содержанія Марксова ученія заключается задача завтрашняго дня ея движенія.

30 марта, 1915 года

Мавръ сдѣлалъ свое дѣло.

То, что во Франціи произошло передъ битвой на Марнѣ, совершается теперь въ Англіи послѣ 9 съ половиной мѣсяцевъ войны. Однородное партійное министерство, стоявшее во главѣ государства до войны, министерство опредѣленнаго буржуазнаго радикализма, замѣняется коалиціоннымъ «національнымъ» министерствомъ, въ которомъ роль и вліяніе буржуазнаго радикализма сведены къ минимуму, совмѣстимому съ сохраненіемъ парламентскихъ приличій и тѣни уваженія къ народному суверенитету, выраженному въ парламентскомъ большинствѣ.

И во Франціи, и въ Англіи война начата правительствами, опиравшимися на партіи, которыя среди имущихъ классовъ представляли собой наиболѣе прогрессивные и въ то же время наименѣе зараженные имперіализмомъ, наименѣе связанные съ милитаризмомъ, общественные слои. Въ теченіе періода, предшествовавшаго всемірной войнѣ, эти партіи буржуазнаго радикализма, испытывая обычныя послѣдствія своего противорѣчиваго положенія международными массами и верхами буржуазнаго общества, стали въ извѣстной мѣрѣ невольнымъ орудіемъ имперіалистской подготовки всемірной войны. Во Франціи радикалы провели законъ о трехлѣтней службѣ, въ Англіи сэръ Эдуардъ Грей прикровенно, но неуклонно, вводилъ британскую внѣшнюю политику въ русло активнаго имперіализма. Немудрено, поэтому, что и въ Англіи, и во Франціи именно пацифистская, неимперіалистская, буржуазно-демократическая партія взяла на себя или оказалась вынужденной взять на себя непосредственную политическую отвѣтственность за постановку трагедіи всемірной войны. Это значитъ, что руководящія имперіалистскія силы современнаго капитализма сумѣли сдѣлать буржуазную демократію слѣпымъ орудіемъ для осуществленія своихъ интересовъ.

Что это сдѣлано было не для одного лишь мефистофельскаго удовольствія, видно изъ того, что одна лишь буржуазная демократія могла дать—и, дѣйствительно, дала—ту *идеологію* нынѣшней войны, ту «освободительную» идеологію, которая явилась необходимой для

успѣшной войны спайкой между классовыми частями современнаго расколота гообщества—спайкой между народомъ и имущими классами.

Надо ли здѣсь еще разъ упоминать о томъ, что буржуазная демократія лишь въ той мѣрѣ могла выполнить эту черную историческую работу—работу «мавра» при имперіалистскомъ владыкѣ—поскольку она сумѣла въ предыдущій періодъ сохранить не только извѣстный контактъ съ организованнымъ соціализмомъ, но и извѣстное—увы! немалое—идейно-политическое вліяніе его; поскольку этотъ организованный соціализмъ, несмотря на четверть вѣка развитія подъ знаменемъ полной классовой независимости—въ марксистскомъ или синдикалистскомъ смыслѣ этого слова—оказался въ основномъ вопросѣ бытія буржуазнаго общества, въ вопросѣ охраны его національно-государственнаго существованія, не порвавшимъ пуповины, связывающей пролетаріатъ съ буржуазной демократіей, а потому и способнымъ воспринять «освободительную» идеологію буржуазнаго радикализма, какъ тотъ политическій наркотикъ, безъ котораго современныя народныя массы не могли бы впречься, хотя бы на моментъ, въ имперіалистскую колесницу?

Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, хорошо его сдѣлалъ—въ 24 часа. То чудо «объединенной демократіи», которое ни Комбу во Франціи, ни Ллойду Джорджу въ Англіи не удавалось осуществить въ борьбѣ съ имперіалистско-реакціонными соціальными силами подъ знаменемъ демократической соціальной реформы и мирнаго прогресса,—это чудо оказалось легко осуществимымъ, когда объединеніе демократіи потребовалось въ интересахъ милитаризма и имперіализма, не для борьбы съ его носителями, а въ исполненіе ихъ непреклонныхъ велѣній.

Послѣдній великій могиканъ утопіи объединенія буржуазіи съ пролетаріатомъ для борьбы за мирное развитіе общества—Жанъ Жоресъ—палъ въ тотъ самый моментъ, когда исторіи понадобилось демонстрировать ту жестокую истину, что таинство междуклассоваго объединенія возможно въ дѣйствительности лишь какъ симптомъ громаднаго попятнаго скачка въ развитіи капиталистическаго общества,—скачка, который неизбѣжно долженъ явиться прологомъ къ крайнему обострению внутреннихъ противорѣчій, къ градіознымъ общественнымъ потрясеніемъ, исключающимъ идиллію мирнаго развитія.

Для Франціи этотъ скачокъ былъ сдѣланъ еще въ первый мѣсяцъ войны. Люди «трехгодичной службы» и активной внѣшней политики, представители консерватизма въ соціальной политикѣ—Рибо, Дель-

кассэ, Мильеранъ, Бріанъ—заняли центральные посты въ государственной цитадели. Это—и только это—называется «національнымъ правительствомъ». Въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительственная власть уже находится въ рукахъ реакціоннаго слоя имущихъ классовъ,—тамъ это партійное правительство или даже правительство клики остается или моментально становится «національнымъ правительствомъ», ни на минуту не лишаясь своей партійной однородности, своей органической связи съ общественными силами, интересы которыхъ оно выражало. Въ лучшемъ случаѣ, какъ это было въ Бельгіи, оно, не мѣняя ни своей природы, ни своей физіономіи, снабжается болѣе или менѣе красивыми орнаментами для украшенія своего фасада: соціалистъ Вандервельде и либералъ Гимансъ становятся безотвѣтственными членами безотвѣтственнаго совѣта короны подъ именемъ «государственныхъ министровъ». Въ этихъ странахъ прогрессивные элементы имущихъ классовъ обязаны проявить полное политическое безкорыстіе, признавъ «національнымъ» данное партійное правительство, потому что оно полностью выражаетъ консервативные и реакціонные интересы всемірно-торжествующаго имперіализма, оказавъ ему безоговорочно и безвозмездно полную поддержку, освятивъ своей идеологіей его политическую программу.

Только тамъ, гдѣ политическая власть формально находилась въ рукахъ лѣваго, менѣе имперіалистскаго, болѣе демократическаго крыла буржуазіи, черезъ голову котораго имперіалистское развитіе подвело общество къ катастрофѣ всемірной войны,—только тамъ образованіе національнаго правительства означаетъ замѣну партійнаго министерства коалиціоннымъ, а, слѣдовательно, разрывъ съ парламентской традиціей и значительный шагъ въ сторону внѣпарламентскаго режима. Лишь тамъ на очередь становятся политическія махинаціи, которыя при помощи національнистическаго дурмана приводятъ государственный механизмъ въ соотвѣтствіе съ измѣнившимся соотношеніемъ силъ, чтобы вопреки всеобщему избирательному праву и его волѣ, несмотря на традиціи, нравы и предразсудки парламентаризма, поставить у кормила власти тѣ самыя общественныя группы, соціально-классовое торжество которыхъ знаменуетъ самый фактъ войны.

И только въ такихъ случаяхъ, и только для осуществленія этой политической задачи исторія ставитъ въ порядокъ дня *привлеченіе соціалистовъ къ государственной власти*. Только какъ «заслонъ», подъ прикрытіемъ котораго незамѣтно для народныхъ массъ буржуазная демократія совершаетъ передачу государственной цитадели анти-

демократическимъ группамъ,—только какъ такой заслонъ,- Гэдъ, Самба, Гендерсонъ, Тома, приглашаются въ «національныя» министерства. Если во Франціи вся эта немудрая операція была продѣлана въ первый же мѣсяцъ войны, тогда какъ въ Англіи она потребовала десятимѣсячнаго срока,—то въ этомъ различіи сказались болѣе глубокіе корни политической демократіи въ формально монархической Англіи. Извѣстную роль сыгралъ, конечно, и ходъ военныхъ дѣйствій, подвергшій въ прошломъ августѣ Францію ужасамъ и опасностямъ нашествія вражеской арміи и тѣмъ ускорившій созрѣваніе внутреннихъ противорѣчій.

Въ Англіи уже самое объявленіе войны сопровождалось уходомъ изъ кабинета элементовъ, оставшихся вѣрными программѣ радикализма (Бернса, Морлея, Тревелліана). Это былъ первый актъ на пути къ національному единенію. Вторымъ было фактическое проникновеніе «уніонистскихъ» консервативныхъ элементовъ во всѣ центры государственнаго механизма, черезъ посредство разныхъ, конституціей непредусмотрѣнныхъ и военнымъ временемъ созданныхъ «совѣтовъ» и «коммиссій», гдѣ въ союзѣ съ милитаристскими сферами они могли извнутри подтачивать партійную диктатуру либераловъ. Объ этой «инфильтраціи» откровенно заговорили въ либеральной прессѣ («Daily News») теперь, когда ей приходится жаловаться на интригу, постепенно подготовившую послѣдній третій актъ драмы—принужденіе кабинета Асквита реформироваться путемъ отдачи главныхъ министерскихъ постовъ уніонистамъ.

Схема этого третьяго акта намъ также знакома по прецедентамъ: систематическая травля радикализма за то, что нація оказалась плохой подготовленной къ войнѣ; пренія между гражданской и военною властью, завершившіяся демонстративной отставкой начальника флота лорда Фишера и, наконецъ, перелицовка кабинета съ устраненіемъ или удаленіемъ на второстепенные посты представителей партійной традиціи—Черчилля, Гаркура и нѣкоторыхъ другихъ—и вводомъ въ кабинетъ яркихъ представителей соціальной и имперіалистской реакціи.

Удастся ли прогрессивной части буржуазіи отстоять при этой перемѣнѣ с в о е г о министра финансовъ Ллойда-Джорджа, какъ сообщаютъ послѣднія свѣдѣнія, или нѣтъ,—въ томъ и другомъ случаѣ фактическій переходъ власти въ руки соціально-консервативныхъ и анти-демократическихъ элементовъ осуществится въ достаточно полной мѣрѣ.

Это будетъ величайшимъ политическимъ событіемъ въ жизни не только Англіи, но и всей Европы.

Въ передовой буржуазной странѣ радикализмъ, убитый войною за которую онъ самъ взялъ на себя отвѣтственность, сходитъ со сцены не осуществивъ начертанной имъ, наиболѣе далеко идущей впередъ демократической программы. Интересы земельной ренты и финансоваго капитала, связаннаго съ экспансіей, интересы наиболѣе привилегированныхъ капиталистическихъ группъ торжествуютъ по вселиніи,—наперекоръ интересамъ общественнаго развитія. Конецъ дѣлъ соціальной и фискальной реформы!.. Ирландскій гомруль побѣжденой индійская реформа убита въ зародышѣ, угроза всеобщей воинской повинности повисла надъ страной и во внѣшней политикѣ въ самый критическій для Европы и всего міра моментъ, на Темзѣ водруженъ сторическое знамя лорда Биконсфильда...

И въ то время, какъ революціонный фразеръ Эдуардъ Вайанъ привѣтствуетъ во вступленіи Италіи въ войну торжество демократіи, въ то время какъ младенцы изъ парижскихъ «Новостей» призываютъ русскую демократію отдать свою кровь и свою честь на алтарь этого торжества,—служители реакціи, въ качествѣ «людей дѣла, а не краснобаевъ», посылаютъ представителямъ буржуазной демократіи шелковый шнурокъ.

Мавръ сдѣлалъ свое дѣло—ему ничего болѣе не остается, как послѣдовать властному приглашенію: «убирайся!»*)

26 мая, 1915 г.

---

*) Дальнѣйшая эволюція національнаго кабинета въ Англіи всецѣло подтвердила высказанныя здѣсь мысли (янв. 1917).

Русскій марксизмъ и война *).

...Множатся признаки того, что въ настоящей всеобщей разрухѣ пострадало и наше идейное единство. За эти 5 мѣсяцевъ мы, очевидно, потому, что живемъ въ совершенно различной обстановкѣ, начали совершенно по разному оцѣнивать происходящія событія и на нихъ реагировать. Заявленія, приписываемыя вамъ, производятъ такое впечатлѣніе, что вы, съ оговорками и ограниченіями, приняли ту концепцію нынѣшняго кризиса, которая воспринята французскими, англійскими и русскими демократами и французскими и англійскими соціалистами: войной поставленъ на очередь вопросъ о прусскомъ юнкерскомъ милитаризмѣ и т. д. Для насъ эта концепція представляетъ ни что иное, какъ вогнутую сторону того кривого зеркала, какимъ является концепція германскихъ имперіалистовъ либеральнаго и соціалистическаго лагерей. Одна историческая иллюзія дополняетъ собою другую. Можетъ быть, въ иллюзорной концепціи франко-англійской больше частныхъ элементовъ истины, но въ цѣломъ она все же антиисторична и ложна.

Война, какъ все яснѣе становится съ каждымъ днемъ, есть, прежде всего, порожденіе имперіалистскаго непримиримаго антагонизма, кровавая развязка котораго означаетъ, что міръ становится тѣсенъ для капиталистическаго хозяйства и что a la longue государственные капиталистическіе гиганты не могутъ уже въ рамкахъ «вооруженнаго мира» дѣлить между собою земной шаръ въ качествѣ равныхъ и независимыхъ, мирно конкурирующихъ пайщиковъ. Либо силой оружія установленная гегемонія одного изъ нихъ, либо ихъ окончательное объединеніе на почвѣ насильственнаго подавленія всѣхъ, достигшихъ меньшаго имперіалистскаго могущества, нынѣшнихъ и грядущихъ конкурентовъ—такова дилемма, встающая передъ капитализмомъ. Болѣе философски воспитанные передовые германскіе имперіалисты уже осмысливаютъ эту новую фазу капитализма, открыто говоря о ликвидаціи національнаго государства и о созданіи міровой или европейской имперіи (конечно, подъ нѣмецкимъ владычествомъ). Эмпирики-англи-

*) Изъ письма, отправленнаго редакторамъ и сотрудникамъ «Нашей Зари».

чане не заглядываютъ такъ далеко и перспективы будущаго рисуютъ въ очертаніяхъ прежнихъ фазъ всемірнаго капитализма, когда изображаютъ полуразоруженную Европу съ независимыми «маленькими государствами», надъ которыми, какъ молчаливо предполагается, вновь экономически господствуетъ Англія, сохраняющая на всякій случай громадный флотъ; эта идиллія изжитыхъ международныхъ отношеній временъ free trade лишь помогаетъ англійскимъ буржуазнымъ либераламъ «переварить» то имперіалистское перерожденіе всей британской политики, которое проповѣдывалъ Чемберленъ, и которое станетъ неизбѣжнымъ въ случаѣ удачи тройственнаго согласія въ нынѣшней войнѣ (и въ случаѣ неудачи тоже).

...Болѣе или менѣе длительная, болѣе или менѣе мучительная, новая фаза развитія международнаго капитализма становится отнынѣ неизбѣжной: фаза, которой объективная тенденція будетъ заключаться въ созданіи міровой сверхъ-капиталистической имперіи, грандіознаго всемірнаго треста, господствующаго надъ народами путемъ частью «приручения» крохами съ пира имперіалистской наживы (нѣмецкіе ревизіонисты уже облизываются въ предвкушеніи добровольныхъ экономическихъ уступокъ въ случаѣ германской монополіи на всемірномъ рынкѣ; менѣе циничные англійскіе и французскіе оппортунисты тоже мечтаютъ въ томъ же направленіи), но, главнымъ образомъ, путемъ доведеннаго до высшаго совершенства и въ этой войнѣ испробованнаго аппарата истребительныхъ средствъ отъ чудесъ современной техники до безвольныхъ полчищъ дикихъ и варварскихъ племенъ, пущенныхъ въ ходъ для «защиты культуры» и затѣмъ оставленныхъ для защиты «порядка».

Для демократіи эта перспектива означаетъ наступленіе періода рѣшительной непосредственной борьбы за овладѣніе властью въ развитыхъ капиталистическихъ государствахъ, какъ единственнаго выхода изъ тупика, въ который загоняетъ общество имперіализмъ. Тѣ соціальныя противорѣчія, которыя внутри каждой страны должны до крайности обостриться въ ходѣ и въ итогѣ войны; тѣ внутреннія противорѣчія самого имперіализма, которыя вынуждаютъ союзниковъ поднимать рядъ вопросовъ освобожденія угнетенныхъ европейскихъ націй, а Германію—давать толчекъ политическаго пробужденія мусульманскаго, индійскаго и китайскаго Востока,—т.-е. заставляютъ обѣ стороны ускорять процессъ *суженія* земного шара, подлежащаго имперіалистской эксплуатаціи, и выступленія новыхъ претендентовъ на міровую гегемонію; то вынужденное заигрыванье всѣхъ правящихъ классовъ пролетаріатомъ, къ которому ихъ толкаетъ необходимость опереться

на народы и которое неизбѣжно повыситъ до крайней степени классовую притязательность и демократическую чувствительность рабочихъ массъ; наконецъ, то возбужденіе національныхъ страстей и воскрешеніе нерѣшенныхъ капитализмомъ національныхъ проблемъ—балканскихъ, итальянскихъ, ирландскихъ, эльзасскихъ, польскихъ, украинскихъ и пр.,—которое опять-таки вноситъ въ общественную жизнь массы новаго горючаго матеріала; все это вмѣстѣ создаетъ элементы для созданія въ Европѣ того положенія, котораго въ ней не было съ эпохи буржуазныхъ и національныхъ революцій: той неустойчивости общественныхъ отношеній, которой въ годы существованія второго Интернаціонала не хватало для того, чтобы выявились въ полной мѣрѣ и отразились въ сознаніи и волѣ пролетаріата тѣ стороны его положенія въ капиталистическомъ обществѣ, которыя дѣлаютъ его способнымъ поставить на очередь и практически рѣшить вопросъ о перенятіи политической власти и измѣненіи экономическаго строя. Дилемма—или постоянныя войны на пути къ окончательн. торжеству имперіалистскаго сверхъ-капитализма или рѣшительные этапы классовой борьбы на пути къ ликвидаціи капитализма— облечется рано или поздно, въ плоть и кровь тѣхъ самыхъ пролетарскихъ массъ, которыхъ мысль и чувство сейчасъ подавлены дилеммой: или военное пораженіе, ведущее къ экономическому и политическому подавленію даннаго отечества, либо къ уничтоженію условій его донынѣшняго экономическаго преуспѣянія и прогресса, или же военная побѣда, какъ основное условіе существованія отечества и его прогресса, какими бы міровыми послѣдствіями и ударами для другихъ отечествъ эта побѣда ни была куплена.

Принятіе этой послѣдней дилеммы соціалистическими партіями и рѣшеніе вопроса объ ихъ тактикѣ въ плоскости этой дилеммы и составляетъ формальную сторону того кризиса, который охватилъ соціализмъ, разбилъ его интернаціональную организацію и долженъ будетъ вызвать глубокія потрясенія въ его организаціяхъ національныхъ.

Отвѣтъ на поставленный міровой катастрофой вопросъ соціалъ-демократія дала въ терминахъ и въ плоскости вчерашняго историческаго дня классовой борьбы пролетаріата—и естественно формулировала отвѣтъ опредѣленнымъ образомъ: защита отечества, какъ исторической предпосылки добытыхъ классовымъ движеніемъ доселѣ успѣховъ, отстаиваніе условій его дальнѣйшаго экономическаго прогресса, какъ исторической базы прогресса самого классового движенія. Будучи однороднымъ для всѣхъ національныхъ соціалъ-демократій, этотъ отвѣтъ привелъ ихъ во враждебные лагери и противупо-

ставилъ ихъ одну другой, разрушивъ тѣмъ ихъ интернаціональное единство, являющееся основной идейной предпосылкой для постановки и рѣшенія «переворотныхъ» проблемъ движенія.

...Что такой кризисъ въ соціализмѣ былъ возможенъ и, очевидно, неизбѣженъ, вытекаетъ изъ самыхъ условій его развитія въ эпоху второго Интернаціонала, т.-е. эпоху имперіалистическаго перерожденія капитализма. Борьба пролетаріата каждой страны была замкнута въ тѣсныя рамки, сводясь фактически къ *приспособленію* рабочаго класса къ капиталистическому развитію путемъ использованія его внутреннихъ противорѣчій для демократизаціи буржуазныхъ государствъ и пріобрѣтенія максимума соціальныхъ уступокъ, пріемлемыхъ для буржуазіи. Это содержаніе борьбы санкціонировалось для пролетаріата идеей коренного соціальнаго преобразованія, но въ теченіе періода относительной устойчивости капитализма, свободнаго отъ тѣхъ постоянныхъ потрясеній, которыя въ первой его фазѣ создавались ураганоподобными кризисами, національными войнами и національно-буржуазными революціями—эта идея соціальнаго преобразованія могла лишь главнымъ образомъ усваиваться авангардомъ пролетаріата, не проникая собою самаго содержанія классовой борьбы въ ея конкретныхъ формахъ; отсюда инстинктивный реформизмъ и націонализмъ, характеризующіе будничную прозу движенія. Вступленіе капитализма въ новую фазу, судящую эру войнъ внѣшнихъ и гражданскихъ, должно будетъ кореннымъ образомъ измѣнить характеръ движенія, приведя въ соотвѣтствіе его будничную прозу и его, такъ-сказать, психологію съ радикальнымъ и интернаціональнымъ характеромъ теоріи. Въ этомъ смыслѣ нынѣшній кризисъ есть кризисъ роста международнаго пролетарскаго движенія, что не помѣшаетъ ему, вѣроятно, протекать весьма болѣзненно въ процессѣ возрожденія упрощенно-бунтарскихъ, сектантско-анархистскихъ тенденцій, съ одной стороны, и послѣдовательнаго развитія принципіальнаго реформизма—съ другой.

Между прочимъ, для русскихъ марксистовъ, поскольку Россія не участвуетъ непосредственно въ борьбѣ за капиталистическую гегемонію и поскольку пролетаріатъ россійскій непосредственно не затронутъ противорѣчіями переходнаго момента, разбившими единство европейскаго пролетаріата—для русскихъ марксистовъ является вопросомъ и теоретической и политической чести не только отстоять, такъ-сказать, свое политическое цѣломудріе во всеобщемъ хаосѣ, но и дѣйствовать своимъ примѣромъ на западно-европейскую демократію, показывая ей въ моментъ всеобщей растерянности и отступленій съ

классовыхъ позицій лицо дѣйствительно непримиримаго марксизма.

Съ этой точки зрѣнія уже многое сдѣлано для нашего скомпрометированія и для ослабленія того великолѣпнаго и сильнаго впечатлѣнія, которое произвело поведеніе нашей думской фракціи. Тѣ заявленія, которыя приписываются вамъ, имѣютъ всѣ шансы оказать то же ослабляющее дѣйствіе. И это потому, что, подобно заявленіямъ Плеханова, Маслова и т. д., они ставятъ и рѣшаютъ вопросъ въ плоскости тѣхъ же національно-государственныхъ антагонизмовъ, въ предѣлахъ которыхъ рѣшили для себя вопросъ французскіе и нѣмецкіе соціалисты, и которые именно потому, что мы имѣемъ предъ собою войну имперіалистско-капиталистическую, не даютъ ключа къ занятію прогрессивной въ историческомъ смыслѣ позиціи по отношенію къ событіямъ.

Подобно соціалистамъ другихъ странъ, вы не вышли изъ тисковъ дилеммы: франкофильство или германофильство, побѣда Англіи и Франціи или побѣда Германіи? И затѣмъ, остановивъ свой выборъ, вы лишь вносите поправки и оговорки, опредѣляемыя взаимоотношеніями между русской государственностью и русскимъ пролетаріатомъ. Въ результатѣ не прекращать внутренней борьбы, но «не противодѣйствовать», принять позицію Геда-Вандервельде и искать выхода для для демократіи черезъ разгромъ Берлина, какъ нѣмецкіе марксисты ищутъ его черезъ разгромъ Москвы.

Методологическая ошибка заключается въ примѣненіи критерія прогрессивности и реакціонности къ участникамъ войны, взятаго изъ эпохи войнъ національныхъ или, точнѣе, войнъ за національное объединеніе, какъ предпосылку нормальнаго капиталистическаго развитія. Критерій этотъ сталъ анахронистичнымъ съ того момента, когда западно-европейская буржуазія, двигающая политикой государства, осуществила свои освободительныя задачи; онъ можетъ опять стать умѣстнымъ, если внѣшняя политика начнетъ двигаться пролетаріатомъ. Самый фактъ міровой войны, гдѣ въ каждомъ лагерѣ сочетаются государства, воплощающія собою прямо противоположныя политическія начала, есть симптомъ того, что война перестала быть продолженіемъ національно-буржуазныхъ демократическихъ революцій. Уже въ балканской войнѣ, несмотря на то, что тамъ для отсталыхъ экономическихъ странъ рѣшался именно вопросъ, который въ половинѣ 19 вѣка былъ рѣшенъ Западомъ—уже въ ней, благодаря тому, что за спинами стремившихся къ національной консолидаціи балканскихъ странъ и Турціи стоялъ *имперіалистскій* Западъ, нельзя было говорить объ исторически прогрессивныхъ результатахъ побѣды той,

либо другой стороны. Можно было лишь предвидѣть—и это оправдалось—что побѣда ни той, ни другой не рѣшитъ выдвинутыхъ въ ней національныхъ проблемъ, но лишь будетъ учтена имперіалистическимъ капитализмомъ въ своихъ интересахъ и умножитъ шансы близкой всемірной войны. Въ балканской войнѣ былъ данъ аванпостный бой между англійскимъ и германскимъ имперіализмами. Почему тогда мы сохранили принципіальный нейтралитетъ, не стали балканофилами, не признали побѣду тройственнаго согласія въ лицѣ балканской лиги началомъ революціоннаго штурма на Берлинъ? Нынѣшнія заявленія русскихъ соціалистовъ, проникнутыя англо-франкофильствомъ, являются объективно осужденіемъ нашей тогдашней позиціи, если только для многихъ изъ насъ тогдашнее «антиславянство» вытекало не изъ твердой интернаціональной точки зрѣнія и изъ марксистскаго анализа міровыхъ процессовъ, а лишь изъ поверхностной психологической потребности «говорить напротивъ» представителямъ официальной Россіи. А кажется, что такъ. Ибо когда трагикомедія всемірной исторіи заставила Гэда и Вандервельде стать въ одну линію съ этими представителями, мы растерялись и стараемся говорить съ Гэдомъ, но такъ, чтобы выходило все таки наоборотъ тому, что говоритъ официальная Россія...

...Для нашей тактики остается въ силѣ одно положеніе, что использовать условія, созданныя побѣдой-ли пораженіемъ-ли, сможетъ лишь та сила, которая не связала себя ничѣмъ съ войною, не взяла на себя никакой отвѣтственности ни за нее, ни за неизбѣжныя—и въ случаѣ побѣды и въ случаѣ пораженія—ея послѣдствія, которыя въ себѣ несутъ обостреніе внутреннихъ противорѣчій и, слѣдовательно, будутъ двигать впередъ общественное развитіе. Съ этой точки зрѣнія ваши слова о «непротиводѣйствіи» поистинѣ фатальны, являются объективно осужденіемъ позиціи думской фракціи въ августѣ, отказомъ отъ всей нашей позиціи по отношенію къ отечественному имперіализму въ его балканской и иной внѣшней политикѣ и къ тактикѣ русскаго либерализма въ этой политикѣ. Не говорю уже о томъ, какой козырь даетъ эта формула всѣмъ Зюдекумамъ и другимъ нѣмецкимъ соціалпатріотамъ, всячески доказывающимъ, что русскій пролетаріатъ идетъ за націоналистской реакціей (чтобы тѣмъ оправдать свое слѣдованіе за кайзеромъ). Эта несчастная фраза должна внести величайшую смуту. Что должна была она значить? Что мы не занимаемся дезорганизаціей обороны въ старо-эрвеистскомъ смыслѣ? Но мы этого не дѣлаемъ потому, что этой анархистской ерунды вообще не признаемъ и отказъ отъ нея не связанъ съ нашимъ представленіемъ

о войнѣ. Очевидно, она значитъ, что мы не высказываемся за ликвидацію конфликта, пока не выполнена объективная задача войны, какъ ее рисуетъ Вандервельде, и какъ ее понимаютъ сами авторы этой формулы. Но эта иллюзорная концепція историческаго содержанія войны, объединяющая насъ въ одинъ лагерь съ либеральными и демократическими мѣщанами, недостаточное основаніе для прямого отказа отъ штутгартской резолюціи, ясно сказавшей, что если война наступила вопреки демократіи, обязанность послѣдней стремиться къ возможно скорой ея ликвидаціи. Далѣе. Сказать: не противодѣйствуемъ войнѣ, но не прекращаемъ внутренней борьбы, значитъ попасть въ весьма противорѣчивое положеніе. Ибо серьезной внутренней борьбой серьезная оппозиція несомнѣнно противодѣйствуетъ той войнѣ, которую привилегированныя группы ведутъ, какъ часть своей общей антидемократичной политики... Получается положеніе крайне половинчатое. Отъ «непротиводѣйствія» на самомъ дѣлѣ лишь одинъ шагъ до прекращенія или только смягченія оппозиціонной борьбы, до «Burgfrieden'а», установленнаго нѣмцами, или до политики union sacree французовъ.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, у насъ боятся, что занявъ непримиримую позицію, мы можемъ лить воду на мельницу ленинизма, абстрактнаго политическаго нигилизма. Мнѣ даже писали, что въ отношеніи къ проблемамъ войны сказались двѣ основныя наши тенденціи: большевистская и меньшевистская: первая-де абстрагируетъ отъ исторической относительности соціальныхъ категорій, вторая стремится использовать противорѣчія между болѣе и менѣе прогрессивными формаціями буржуазнаго міра. Предостерегаю противъ попытокъ черезчуръ широко распространять категоріи русскаго марксизма, выросшія изъ задачи приспособленія марксистскихъ принциповъ къ отсталому обществу, на міръ болѣе сложныхъ—или въ извѣстномъ отношеніи болѣе простыхъ—общественныхъ процессовъ, развертывающихся въ передовыхъ странахъ. Нашъ меньшевизмъ есть и имѣетъ raison d'etre, лишь какъ приспособленное къ специфическимъ условіямъ примѣненіе ортодоксальнаго марксизма. Когда ему приходится занимать ту или иную позицію къ вопросамъ мірового масштаба, онъ долженъ не танцовать отъ печки антибольшевизма, а черпать свою оріентацію изъ «вѣчныхъ» основъ марксизма, не смущаясь тѣмъ, если въ данной обстановкѣ онъ въ чемъ-либо существенномъ совпадаетъ съ «большевиками», съ болѣе здравомыслящими синдикалистами и съ Люксембургъ-Панекукомъ. Гораздо горшая опасность совпасть кое въ чемъ существенномъ съ нашими демократами марксистообразными и народническими, идущими на

поводу у кадетскихъ руководителей общественнаго мнѣнія. Отгородиться отъ нихъ однимъ лишь отказомъ принять кадетскую позицію отсрочки «внутреннихъ счетовъ» съ реакціей до конца войны недостаточно. Стоящія передъ нами отечественныя проблемы мы можемъ рѣшать лишь въ свѣтѣ проблемъ международной демократіи, выдвинутыхъ катастрофой. Намъ приходится, какъ и всѣмъ другимъ, выбирать между перспективой дальнѣйшаго уплотненія и развитія національныхъ элементовъ въ соціализмѣ, выработанныхъ въ немъ специфическими условіями, характерными для цѣлаго періода регулированной классовой борьбы, или перспективой преодолѣнія національной, а слѣдовательно реформистской ограниченности этого соціализма эпохи второго Интернаціонала и его развитія къ болѣе полной гармоніи между его радикальной теоріей и его будничной практикой. И въ этомъ отношеніи именно меньшевики, стремившіеся при всѣхъ приспособленіяхъ практики къ самымъ отсталымъ внѣшнимъ условіямъ сохранить «радикальный» методъ и «ортодоксальную теоретическую базу, должны показать, что съ перемѣнившейся въ теченіе 24 часовъ исторической обстановкой, они умѣютъ въ корнѣ преобразовать тактику. Напротивъ, отдать намъ честь новой оріентировки въ моментъ историческаго перелома представителямъ упрощеннаго вульгаризованнаго марксизма, значитъ лить воду на его мельницу, какъ ее льютъ Плехановъ, Каутскій и Гэдъ въ настоящее время. Только взявъ на себя задачу показать, что марксизмъ можетъ выявить свое «переворотное» содержаніе въ моментъ коренной ломки сложившихся условій, опредѣлявшихъ «мирныя», легалистскія, поссибилистскія формы его политическаго проявленія, мы сможемъ вырывать почву изъ-подъ ногъ всяческаго бунтарскаго анархо-синдикализма, который неизбѣжно расцвѣтетъ нынѣ, какъ популярно-противоположный результатъ пролетарскаго кризиса—рядомъ съ доведеннымъ до послѣдней степени подлости оппортунизмомъ.

Декабрь 1914 г.

Англія на поворотѣ своей исторіи.

Какъ бы предвидя наши дни, когда марксисты не найдутъ лучшей темы для споровъ, какъ вопросъ о томъ, побѣда какой націи есть «меньшее зло» съ точки зрѣнія интересовъ соціализма, Фридрихъ Энгельсъ уже 25 лѣтъ назадъ констатировалъ, что «время избранныхъ народовъ миновало безвозвратно».

Нынѣ англійскій народъ на своемъ опытѣ начинаетъ усваивать эту истину. Нивеллирующее дѣйствіе капиталистическаго способа производства, стирающаго въ соціальной структурѣ и политическихъ учрежденіяхъ захваченныхъ имъ странъ все самобытное, какими бы прочными традиціями оно ни охранялось, сказалось, наконецъ, и на наиболѣе самобытной изъ европейскихъ странъ.

«Никогда, никогда британецъ не станетъ рабомъ». Эти гордыя слова національной англійской пѣсни Карлъ Марксъ еще 50 лѣтъ тому назадъ подвергъ саркастической насмѣшкѣ въ виду того невѣроятнаго «фабричнаго рабства», въ которое машинизмъ ввергъ милліоны англійскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Если, тѣмъ не менѣе, буржуазная Англія, несмотря на картины «фабричнаго феодализма», продолжала до нашихъ дней пѣть свою гордую національную пѣсню, то едва ли не главное основаніе для своего признанія «избранной націи» она видѣла въ свободѣ отъ современнаго милитаризма въ той его формѣ, которая выражаетъ максимальную зависимость гражданина отъ государственной власти и которая наиболѣе полно воплощена во всеобщей воинской повинности.

Нынѣ логикой всемірно-имперіалистской войны Англія подошла вплотную къ отказу отъ этой своей традиціи.

Антиномія: Англія—Пруссія, въ которой соціалистическіе метафизики и до сихъ поръ ищутъ ключа къ рѣшенію вопроса о томъ, чья побѣда въ нынѣшней войнѣ есть «меньшее зло», подходитъ къ своему діалектическому разрѣшенію. Никто иной, какъ офиціозъ *стараго* либеральнаго кабинета «Westminster Gazette», вынужденъ поставить вопросъ о томъ сюрпризѣ, который будетъ поднесенъ массамъ, поднявшимся «для разрушенія прусскаго милитаризма въ

Германіи», въ томъ случаѣ, «если въ процессѣ его разрушенія мы сами пруссифицируемъ наши учрежденія».

«Нынѣ»,—говоритъ извѣстный милитаристскій авторитетъ, полковникъ Репингтонъ (въ «Times»), служба отечеству получила новый и болѣе обширный смыслъ. Она означаетъ, что все физическое пригодное для службы населеніе должно служить *не только во флотѣ и въ арміи, но и во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности*. Служба гражданъ можетъ быть реквизирована государствомъ *въ желѣзныхъ дорогахъ, въ угольныхъ копяхъ, въ торговомъ судоходствѣ, въ ремонтныхъ депо, въ военныхъ канцеляріяхъ и во всѣхъ заводахъ, занятыхъ производствомъ нужнаго для войны матерьяла*. Опытъ показалъ, что принципъ личной службы, дисциплинированной и обязательной, еще болѣе существенно необходимъ для заводовъ, чѣмъ для строя».

Мы видимъ, что милитаристская проблема ставится въ Англіи сразу въ ея самомъ законченномъ видѣ, какъ проблема всеобщей мобилизаціи максимальнаго количества гражданъ, какъ организація на военную ногу значительной части національнаго производства. Если по отношенію къ будущему и къ *его* войнамъ, вопросъ о недостаточности волонтерской системы ставится въ Англіи, какъ вопросъ о недостаточности офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ кадровъ, то злобой нынѣшняго дня является именно «реквизиція» для цѣлей быстраго, успѣшнаго, интенсивнаго и «дисциплинированнаго» производства военнаго матерьяла тѣхъ милліоновъ рабочихъ рукъ, которыя нужны странѣ, превратившейся въ поставщицу истребительныхъ средствъ для половины воюющаго міра. Ллойдъ Джорджъ опредѣлилъ въ *2 милліона* количество рукъ, которыя должны нынѣ быть заняты для достаточнаго производства этого матерьяла, а сладострастныя надежды, которыя возлагаются имперіалистской прессой на новаго министра изъ рабочихъ партій, Гендерсона, и двухъ другихъ членовъ той же партіи (Робертса и Брэса), занявшихъ второстепенные посты въ кабинетѣ,—надежды на то, что они убѣдятъ рабочихъ отказаться отъ традиціонныхъ регламентовъ, выработанныхъ трэдъ-юніонами и ограничивающихъ интенсивность и продолжительность труда,—эти надежды показываютъ, къ чему сводится проблема «дисциплинированія» рабочей силы, стоящая передъ милитаризмомъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчается и тотъ методъ, при помощи котораго будетъ преодолѣна традиціонная непріязнь націи къ «прусскимъ учрежденіямъ». Англійскому народу не предложатъ сразу континентальную систему всеобщей повинности *въ строю*. Какъ писали газеты, предполагается занимать «реквизированныхъ» людей въ той

отрасли труда, которой они заняты обычно: «сталелитейщикъ будетъ лить сталь на реквизированномъ заводѣ, портной—шить военные мундиры и т. д.» Въ это «и т. д.» войдетъ, конечно, вся или почти *вся буржуазія и буржуазная интеллигенція*, которой найдется привычное дѣло въ многочисленныхъ отрасляхъ военно-истребительнаго производства». Ибо — въ строю будутъ служить лишь тѣ, «которые «не знаютъ никакого ремесла», то-есть масса пролетаріевъ (минусъ привилегированная часть), крестьянъ и мелкихъ собственниковъ— та именно масса, которую церковный амвонъ, пресса и агитація подъ открытымъ небомъ стараются вотъ уже 10 мѣсяцевъ вовлечь въ ряды волонтеровъ.

Англійскіе государственные дѣятели—большіе эмпирики и, въ противоположность континентальнымъ, предпочитаютъ идти не отъ общаго къ частному, не отъ абстрактнаго демократическаго принципа къ конкретному классовому выявленію, а обратнымъ путемъ. То, что они проектируютъ, будетъ на *дѣлѣ* весьма похоже на «прусск ю», на континентѣ царящую, систему въ ея житейскомъ воплощеніи послѣ всѣхъ поправокъ, вносимыхъ классовыми различіями въ отправленіи одного и того же патріотическаго долга. Они, впрочемъ, отлично знаютъ, что въ нужный моментъ небольшая доза своевременно примѣненной демагогіи, помахивающей знаменемъ демократическаго равенства, поможетъ вогнать въ строй нѣкоторую часть привилегированныхъ гражданъ («embusqués») поскольку частныя классовыя привилегіи начнутъ грозить жизненнымъ интересамъ классового государства.

Да, время «избранныхъ народовъ», которые «никогда, никогда не станутъ рабами», проходитъ.

4 іюня 1915 г.

Война и россійская демократія.

1. Послѣдствія войны.

Всемірная война открываетъ собою эпоху міровыхъ общественныхъ потрясеній, которыхъ логически предвидимымъ конечнымъ пунктомъ должно, очевидно, явиться крушеніе капиталистическаго производства и переходъ власти надъ общественными производительными силами въ руки наслѣдника буржуазіи. Конкретныя очертанія этой наступающей эпохи далеко еще не ясны, о нихъ можно—съ большимъ или меньшимъ основаніемъ—гадать. Ни о первоначальномъ темпѣ развитія имѣющей возродиться классовой борьбы, ни о степени дальнѣйшаго его ускоренія мы не можемъ еще судить съ какою-нибудь увѣренностью. Вотъ почему, между прочимъ, были бы преждевременны—ибо обречены на безплодіе—попытки уже теперь дедуцировать хотя бы для ближайшихъ лѣтъ методы тактики и формы грядущей организаціи демократіи. Съ достаточной категоричностью мы можемъ утверждать лишь одно: когда и какъ бы ни кончилась нынѣшняя война, когда и какъ бы ни началась со стороны народныхъ массъ повсемѣстная реакція на вызванный ею глубокій кризисъ, эта война, разрушивъ державшуюся въ теченіе почти полувѣка относительную устойчивость междугосударственныхъ отношеній и разнуздавъ связанныя консервативными инстинктами имущихъ классовъ разрушительныя силы имперіалистскаго соперничества, тѣмъ самымъ и безповоротно подкопала основы той относительной устойчивости *междуклассовыхъ отношеній* въ развитыхъ капиталистическихъ государствахъ, которая наложила неизгладимую печать на весь ходъ ихъ внутренняго развитія и въ томъ числѣ на ходъ развитія и самоопредѣленія непрерывно выроставшаго и усиливавшагося рабочаго класса. Ни широкимъ слоямъ имущихъ, ни милліоннымъ массамъ пролетаріата уже не знать того «покоя», который характеризовалъ собою предыдущую эпоху и воспиталъ въ тѣхъ и другихъ склонность

считаться съ незыблемостью основныхъ общественныхъ отношеній, какъ съ предѣломъ, который не можетъ быть пройденъ въ ближайшее время, и отъ этой незыблемости исходить въ борьбѣ за свои интересы.

Нарушенное равновѣсіе *междугосударственныхъ* отношеній вызвало нарушеніе равновѣсія отношеній *междуклассовыхъ*, прежде всего въ нашемъ отечествѣ. Ему не пришлось дожидаться ни окончанія войны, ни даже того ея кульминаціоннаго пункта, которымъ рѣшительно былъ бы предопредѣленъ ея окончательный исходъ. Россія, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась locus minoris resistentia—пунктомъ наименьшаго сопротивленія—для духа разрушенія, вызваннаго къ жизни имперіалистскимъ вихремъ. Ибо ступень соціально-политическаго развитія, на которой она стоитъ, не дала закостенѣть въ ней междуклассовымъ отношеніямъ въ той мѣрѣ, въ какой со вступленіемъ Западной Европы въ полосу имперіалистской борьбы это случилось въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ. Болѣе того: если въ тѣхъ изъ странъ, гдѣ буржуазія въ цѣломъ не успѣла въ предыдущій періодъ подчинить себѣ совершенно государственную власть, она, вступивъ на путь имперіалистской политики, вовсе отказывается отъ выполненія этой задачи,—то въ Россіи, напротивъ, самый процессъ втягиванія національнаго капитализма въ сферу имперіалистскихъ антагонизмовъ долженъ былъ толкать торгово-промышленную буржуазію на путь борьбы за государственную власть, поскольку соціальная природа общественныхъ группъ, держащихъ ее въ своихъ рукахъ, оказывалась абсолютно непригодной для быстраго и рѣшительнаго приспособленія къ потребностямъ капиталистическаго развитія. Первое разрушительное дѣйствіе всемірно-имперіалистской войны и сказалось прежде всего въ томъ, что все болѣе пропитывающаяся имперіалистскими тенденціями русская буржуазія двинулась на борьбу за власть.

Само по себѣ, конечно, прогрессивное значеніе этого факта было бы незначительнымъ, а самая борьба русской буржуазіи можетъ еще окончиться довольно жалкимъ фіаско. Но, возникая въ атмосферѣ всемірнаго кризиса и непосредственно питаемая грандіозными бѣдствіями, обрушившимися на всю страну, эта борьба должна стать исходнымъ моментомъ громаднаго общественнаго движенія, которое имѣетъ много шансовъ принять характеръ историческаго кризиса.

Новая критическая полоса наступаетъ въ Россіи при условіяхъ, чрезвычайно отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ развивалась предыдущая, закончившаяся переворотомъ 3-го іюня. То же самое основное противорѣчіе между отношеніями господства и хозяйственными

отношеніями стремится къ своему разрѣшенію при измѣнившемся—по сравненію съ 1905 годомъ—соотношеніи классовыхъ силъ и измѣнившейся международной обстановкѣ. Соотвѣтственно этому, пролетаріату Россіи придется не просто повторить роль, сыгранную имъ въ 1901—1907 гг., а рѣшать новыя задачи и осуществлять новыя цѣли.

2. Русскій имперіализмъ и контръ-революція.

Передъ побѣдившей въ 1907 году дворянско-бюрократической контръ-революціей стояли двѣ одинаковыя и взаимно-связанныя задачи. Во 1-хъ, пытаться преобразовать экономическую основу государства—русскія аграрныя отношенія—такъ, чтобы «эволюціоннымъ» путемъ, съ наибольшими выгодами для правящихъ классовъ и съ наименьшими потрясеніями, разрѣшить противорѣчія, которыя 1905 годъ стремился рѣшить путемъ радикальнымъ и въ интересахъ демократіи. Во-вторыхъ, опираясь на эту аграрную реформу, на открытые ею новые пути для внутреннихъ завоеваній капитализма, связать растущую буржуазію съ правящими общественными группами новыми захватными цѣлями во-внѣ, соучастіемъ въ имперіалистской активной политикѣ.

Если въ предыдущую эпоху историческаго развитія—въ эпоху образованія національно-государственнаго единства—дворянско-бюрократическая монархія Гогенцоллерновъ брала на себя осуществленіе задачи, которую въ опередившихъ Германію странахъ совершила революціонная самодѣятельность буржуазіи,—то въ эпоху имперіалистскаго перерожденія національно-капиталистическихъ государствъ правящія группы Россіи брали на себя миссію пріобщить ея отсталый капитализмъ къ начавшемуся имперіалистскому «передѣлу міра» и *этимъ путемъ* сдѣлать носителей старой государственности, такъ сказать, общественно-необходимымъ элементомъ въ новой фазѣ русской исторіи. «Великодержавіе» играло, такимъ образомъ, для третьеіюньской Россіи ту-же роль, какую національно-государственное объединеніе играло роль послѣ 1848 г. въ Германіи. Оно служило знаменемъ для процесса модернизаціи власти и дворянства, съ одной стороны, для политической консолидаціи буржуазіи въ со-правительствующій классъ, съ другой.

Наиболѣе проницательный политикъ дворянской Россіи, Столыпинъ, и наиболѣе покорный буржуазіи либеральный публицистъ, Струве схватили объективный смыслъ начинающейся полосы развитія, когда провозгласили боевой лозунгъ «великой Россіи». Культъ госу-

дарства, возжженный жрецами нео-либерализма въ «Вѣхахъ», имѣлъ не только анти-соціалистическое, но и имперіалистское содержаніе. Въ то время, какъ III-ья и IV-ая Думы демонстрировали непрекращающуюся несогласованность основныхъ интересовъ Россіи дворянской и Россіи буржуазной во всѣхъ сферахъ *внутренней* политики, невозможность ихъ согласованія на базѣ третье-іюньской контръ-революціи—ежегодные дебаты по бюджетамъ иностранной политики и обороны, напротивъ, иллюстрировали взаимное сближеніе старыхъ сословій и буржуазнаго общества въ дѣлѣ преслѣдованія имперіалистскихъ задачъ во-внѣ. Въ этой сферѣ, въ сферѣ обороны и внѣшней политики, историческая власть и дворянство оказывали наименьшее сопротивленіе критикѣ и домогательствамъ буржуазнаго общества, какъ буржуазное общество съ наибольшей охотой оставляло нетронутымъ дѣйствительное и формальное руководство за бюрократіей и дворянствомъ. Ежегодно демонстрировавшееся «національное единеніе» въ вопросахъ развитія «внѣшней мощи» являлось въ то же время методомъ опредѣленнаго политическаго воспитанія широкихъ буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ массъ въ цѣляхъ ихъ подчиненія интересамъ имперіализма. Эти массы, до 1905 года уже воспитавшія въ себѣ традицію индифферентизма и затаеннаго недовѣрія къ военной и иностранной политикѣ бюрократіи, теперь систематически подготовлялись къ отождествленію въ критическій моментъ «національныхъ» интересовъ съ этой политикой. Такъ фабриковалось то «общественное мнѣніе», благопріятное боевой иностранной политикѣ, на которое россійскій имперіализмъ могъ опереться въ томъ случаѣ, еслибъ эта политика оказалась вынужденной или сочла для себя полезнымъ извлечь мечъ изъ ноженъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ 1905 году, устрашенные опытомъ японской войны и ея послѣдствіями, представители бюрократіи и реакціоннаго дворянства склонны были отказаться отъ захватныхъ плановъ во внѣшней политикѣ и вернуться къ традиціямъ «тихой» реакціи эпохи Александра III. *Старый* россійскій имперіализмъ, имперіализмъ до-капиталистическій, ищущій сбыта не для избытка товаровъ—и тѣмъ паче капиталовъ—а для избыточнаго населенія чиновниковъ, дворянскихъ сынковъ, миссіонеровъ и прочихъ «ташкентцевъ», исчерпалъ полностью свои рессурсы въ сферѣ международнаго соперничества и, покорный року, готовъ былъ всецѣло, по щедринскому выраженію, «обратиться внутрь», замѣнивъ экстенсивное ташкентское хозяйство интенсивнымъ,—политику захватовъ во-внѣ политикой истинно-русскаго національнаго по отношенію

къ уже завоеваннымъ окраинамъ. Но та самая встряска 1905 года, которую ускорила политика дальне-восточныхъ авантюръ, послужила толчкомъ къ такому ускоренію темпа имперіалистской борьбы на міровой аренѣ, которое открыло новыя широкія перспективы передъ старымъ россійскимъ имперіализмомъ и позволило ему обрѣсти новыя силы.

Революціи въ Турціи, Персіи, Китаѣ разнуздали экспансіонныя стремленія германскаго, англійскаго, французскаго, итальянскаго, австрійскаго, японскаго, сѣверо-американскаго капитализмовъ. Онѣ вызвали къ жизни захватно-великодержавныя вожделѣнія въ молодой буржуазіи всѣхъ балканскихъ государствъ, въ то же время ожививъ въ этихъ странахъ національно-освободительныя стремленія. На международномъ политическомъ рынкѣ быстро вновь поднялся чрезвычайно упавшій въ 1905 году спросъ на «русскую дружбу», спросъ на военную силу 170-ти милліонной имперіи. Тѣмъ самымъ для россійской буржуазіи открылись новыя перспективы эксплуатаціи тѣхъ «сферъ вліянія» на ближнемъ, а отчасти и дальнемъ Востокѣ, которыя могли достаться третье-іюньской Россіи изъ китайскаго, персидскаго, турецкаго и австрійскаго «наслѣдствъ», при помощи умѣлаго использованія непримиримыхъ антагонизмовъ между міровыми капиталистическими гигантами.

Старо-россійскій имперіализмъ почерпалъ источникъ новой живительной силы въ ростѣ имперіалистскихъ тенденцій среди имущихъ классовъ Россіи, въ ихъ поворотѣ отъ нерѣшенной въ 1905 году задачи *національнаго возрожденія и освобожденія* къ задачамъ воинствующаго имперіализма. Въ Монголіи и Манчжуріи, въ Туркестанѣ и сѣверной Персіи, въ Арменіи и Македоніи, въ Албаніи, Галиціи и угорской Руси онъ могъ возобновить свою «активную политику», опираясь не только на поддержку англійскаго и французскаго капитализма, но и на сочувствіе широкихъ круговъ имущаго общества въ самой Россіи. Не только Бобринскіе и Савенки, Крупенскіе и Шульгины, но и Гучковы и Дмовскіе, Струве и Шингаревы, Брянчаниновы и Рябушинскіе, Милюковы и Челноковы стояли за русской дипломатіей въ тѣхъ международныхъ столкновеніяхъ, которыя съ 1908 года не переставали подвергать миръ Европы каждодневной опасности.

Въ этой объединенной «національной» политикѣ каждая сторона, разумѣется, преслѣдовала противоположныя классовыя цѣли. Для бюрократіи и дворянства дѣло шло о томъ, чтобы отстоять и укрѣпить возможно большую «полноту власти» путемъ выполненія на международной аренѣ миссіи, интересующей наиболѣе могущественныя

группы капиталистической буржуазіи. Для этихъ группъ, для прислонившихся къ нимъ политическихъ представителей всей россійской буржуазіи, объединенная «національная» (то есть, имперіалистическая) политика должна была создать возможность «инфильтрироваться», проникнуть въ цитадель правящаго Россіей привилегированнаго меньшинства, стать необходимыми для него, поставить его все въ большую отъ себя зависимость,—поскольку «активная» захватная политика въ атмосферѣ обостряющагося международнаго соперничества должна была предъявлять къ власти все болѣе настоятельныя требованія въ смыслѣ технической, финансовой, экономической, боевой подготовленности.

Для той и другой стороны предпосылкой безпрепятственнаго и успѣшнаго рѣшенія задачи являлось *отстраненіе демократіи*—мелкобуржуазной, крестьянской и рабочей—отъ всякой *самостоятельной* роли въ процессѣ общественно-политическаго строительства, ибо «вторженіе» демократіи въ этотъ процессъ неизбѣжно должно было направиться противъ имперіалистскаго его уклона въ пользу «логическаго» продолженія 1904-06 гг., въ пользу разрѣшенія задачъ національнаго возрожденія путемъ освобожденія внутренняго. Если право-октябристская Россія упорно достигала этого отстраненія средствами репрессіи, то буржуазный либерализмъ стремится къ политическому *обезличенію* мелкобуржуазной и рабочей демократіи, стараясь подчинить ее всецѣло своему идейно-политическому вліянію.

3. Крахъ третье-іюньской системы.

Когда въ періодъ наибольшаго торжества третье-іюньской реакціи въ нашей прессѣ дебатировался вопросъ о шансахъ «прусскаго или «сѣверо-американскаго» пути дальнѣйшаго развитія Россіи, мы указывали, что если, съ одной стороны, и не исключена еще возможность «безболѣзненнаго»—то есть, съ наибольшими жертвами для народныхъ массъ связаннаго,--превращенія абсолютистско-дворянскаго режима въ режимъ «прусскаго» типа, опирающагося на симбіозъ старыхъ и новыхъ владѣющихъ классовъ,—то превращеніе этой возможности въ реальность всецѣло зависитъ отъ того, дастъ ли исторія достаточный срокъ третье-іюньской Россіи, чтобы подготовиться къ политическому экзамену на международной аренѣ и тѣмъ прочно спаять—путемъ внѣшнихъ побѣдъ—ненарушаемой общностью интересовъ перерождающуюся власть съ буржуазными классами. Третье-іюньскій экспериментъ могъ исторически оправдать себя лишь постольку, поскольку на почвѣ его удалось бы создать политическое

и экономическое могущество, достаточное для того, чтобы использовать всѣ благопріятные шансы, созданные для Россіи ея географическимъ положеніемъ и ея громадностью въ періодъ дошедшаго до послѣдней степени обостренія антагонизма между имперіалистскими гигантами «Запада».

Указывая на этотъ единственный случай, который можетъ снять съ очереди дня проблему новой «буржуазной» революціи, мы этотъ анализъ положили въ основу нашего пониманія задачъ русскаго рабочаго движенія въ контръ-революціонный періодъ. Мы отвергли постановку всей политики пролетаріата на одну карту подобной революціи, продолжающейся съ того пункта, на которомъ она остановилась въ 1906-07 гг. Ставъ на почву, созданную пораженіемъ 1905 года и начавшимся процессомъ взаимоприспособленія старой и новой Россіи, мы выдвинули «борьбу за открытую партію», какъ лозунгъ, суммирующій организаціонно-тактическую сторону новыхъ задачъ классовой борьбы. Но въ то же время мы боролись съ такимъ пониманіемъ этого лозунга и этихъ задачъ, которое означало бы признаніе безповоротнымъ и обезпеченнымъ въ своемъ успѣхѣ этотъ путь взаимоприспособленія. Что въ русскомъ *рабочемъ движеніи* (а вовсе не среди его Mitlaufer'овъ, какъ старались изобразить Ленинъ и Плехановъ) была тенденція принять за окончательно-данное и исторически-обезпеченное подобное «безболѣзненное» развитіе третьеіюньской Россіи къ «прусскому типу», не подлежитъ никакому сомнѣнію: эта тенденція питалась естественнымъ стремленіемъ боевыхъ элементовъ рабочаго класса нащупать прочную почву для своего длительнаго политическаго и организаціоннаго строительства. Однако, дальнѣйшаго развитія эта тенденція не получила и въ августѣ 1912 г. линія «меньшевизма» (или «ликвидаторства») была намѣчена примѣнительно къ обоимъ возможнымъ исходамъ историческаго процесса. Въ тѣхъ шатаніяхъ и колебаніяхъ, которыя проявились въ началѣ нынѣшней войны среди части «ликвидаторовъ» въ Россіи, несомнѣнно сказалась и отрыжка тенденціи 1909—11 гг. строить заранѣе будущее россійскаго рабочаго класса на *исторической побѣдѣ* россійской буржуазіи въ ея попыткѣ *черезъ имперіализмъ*,—помимо коренного преобразованія,—идти къ европеизаціи Россіи и рѣшенію ея внутреннихъ проблемъ раскрѣпощенія національныхъ производительныхъ силъ. Иронія исторіи требовала, чтобы въ то время, какъ у этой части «ликвидаторовъ» возрожденіе данной тенденціи въ большинствѣ случаевъ не пошло дальше лозунга «непротиводѣйствія» войнѣ, миссію довести ее до логически-безпощаднаго вывода и на дѣлѣ подчинить всецѣло

судьбы и задачи пролетарскаго движенія успѣху имперіалистско-либеральнаго эксперимента буржуазіи взяли на себя Плехановъ, Алексинскій, Іорданскій («да будетъ побѣда»!), Финнъ-Енотаевскій, то есть люди, стяжавшіе не мало лавровъ въ «борьбѣ съ ликвидаторствомъ»...

Какъ ни благопріятно складывалась для Россіи международная обстановка, ей не удалось въ рамкахъ третье-іюньской системы реформироваться даже въ минимальной степени, чтобы выдержать политическій экзаменъ на аренѣ рѣшительной имперіалистской схватки. Исторія не дала русской реакціи и русскому либерализму того срока, который имъ былъ необходимъ, чтобы безъ «грубаго» содѣйствія демократіи справиться съ самыми насущными экономическими, техническими и культурными задачами, разрѣшеніе которыхъ позволило бы выдержать испытаніе въ серьезной войнѣ. Война наступила «слишкомъ рано» или, что сводится къ тому-же, попытка созданія «великой Россіи» на базѣ контръ-революціи начата была слишкомъ поздно.

Въ концѣ перваго года всемірной войны этотъ фактъ сталъ очевиднымъ. Имперіализмъ, обслуживаемый гг. Гучковымъ и Милюковымъ, остался за флагомъ въ качествѣ серьезнаго претендента на участіе въ «передѣлѣ міра».

Этотъ результатъ самъ по себѣ означаетъ *крахъ третье-іюньской системы*, уничтоженіе соціальнаго равновѣсія, ею созданнаго. Почти автоматически всѣ, поставленныя 1905 годомъ въ грандіозномъ масштабѣ и контръ-революціей устраненныя проблемы—политическая, сословная, національная, аграрная, финансовая, рабочая—встаютъ во весь ростъ передъ широкими общественными кругами,—и встаютъ въ обстановкѣ военныхъ неудачъ, въ перспективѣ коренного разстройства народнаго хозяйства ,Burgfrieden сломанъ и среди истерическихъ возгласовъ о спасительности «единенія», въ разгаръ войны, подъ грохотъ пушекъ въ лагерѣ имущихъ открыто свирѣпствуетъ партійная и классовая борьба.

4. Борьба буржуазіи за власть.

Уничтоженіе россійскаго Burgfrieden'а въ двоякихъ отношеніяхъ означаетъ крахъ третье-іюньской системы и, слѣдовательно, попытки обойти проблему національно-буржуазной коренной ломки скачкомъ въ имперіалистское пространство.

Во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что буржуазія оказалась вынужденной оспаривать у бюрократіи и дворянства ту самую функцію организатора и руководителя «государственной обороны», сохраненіе

которой за этими общественными группами составляетъ самую сущность контръ-революціоннаго сожительства.

Во-вторыхъ, тѣмъ, что, поставленная передъ необходимостью предъявить свои претензіи на участіе во власти, буржуазія была вынуждена *апеллировать къ широкимъ народнымъ массамъ*, поднять шумную общественную—внѣдумскую—агитацію, черезъ свою партійную, безпартійную и желтую прессу внести тревогу, возбужденіе и озлобленіе въ народные низы, приблизить спичку къ колоссальному горючему матеріалу, который ростомъ нищеты и необезпеченности, дороговизной жизни, паникой пораженій и дезорганизаціей государства, нагромождается и безъ того въ пролетаріатѣ, крестьянствѣ и мѣщанствѣ. Эта вынужденная аппеляція къ демократіи, столь символически иллюстрируемая расклейкой на улицахъ Москвы извѣстнаго постановленія Московской Городской Думы, знаменуетъ фіаско всей системы, основанной на сознательномъ отстраненіи демократіи отъ всякаго участія въ опредѣленіи судебъ страны.

Во всемірную войну буржуазія вступила не для того, чтобы *бороться за власть*, а, напротивъ, для того, чтобы сотрудничая со «старыми сословіями», укрѣпить довѣріе послѣднихъ къ себѣ и сдѣлать возможнымъ и достаточно выгоднымъ для себя дальнѣйшее съ ними сожительство. Ея роль съ начала войны заключалась поэтому въ «организаціи тыла», то есть въ использованіи экономическаго и техническаго аппарата мѣстнаго самоуправленія для обслуживанія продовольственныхъ, санитарныхъ, культурныхъ нуждъ арміи и населенія пораженныхъ войной областей—нуждъ, справиться съ которыми завѣдомо не подъ силу было тяжеловѣсному и въ корнѣ прогнившему аппарату бюрократіи. Выполняя эти функціи, организаціи имущихъ классовъ и ихъ представительства въ Гос. Думѣ становились вліятельной общественной силой, завоевавшей себѣ симпатіи арміи и населенія, и тѣмъ обезпечивали себѣ—на случай успѣха войны—выигрышныя позиціи. Понятно, что въ этотъ періодъ лозунгомъ имущихъ классовъ, ихъ политическихъ представителей и идеологовъ, было: «Національное единеніе! Никакой политики! Все для войны»!

Въ теченіе этого безмятежнаго періода всеобщаго энтузіазма гегемонія въ общественномъ движеніи принадлежитъ *земской*, т.-е. помѣщичьей организаціи, вокругъ которой группируются мобилизованныя для «обслуживанія тыла» массы интеллигенціи, мѣщанъ и крестьянъ и за которой слѣдуетъ, въ качествѣ второй скрипки въ оркестрѣ, организація городской буржуазіи (общегородской союзъ). Поскольку общественная мобилизація происходила на базѣ третье-

іюньскаго status quo, ея формы отражали собою закрѣпленное въ третье-іюньской конституціи взаимоотношеніе общественныхъ силъ.

Съ окончаніемъ наступательнаго періода войны, съ началомъ крупныхъ неудачъ русской арміи, положеніе дѣлъ мѣняется. Обнаруживающаяся *техническая* несостоятельность бюрократіи, являющаяся *непосредственной* причиной неудачъ, выдвигаетъ на первый планъ проблему «мобилизаціи промышленности» и однимъ уже этимъ поднимаетъ удѣльный вѣсъ торгово-промышленной буржуазіи въ лагерѣ имущихъ. Въ то же время опасность разгрома, непосредственно разбивая имперіалистскія мечты торгово-промышленной буржуазіи и всѣ, связанныя съ ними, политическія надежды, толкаетъ ее на первый планъ въ начинающейся борьбѣ имущихъ классовъ, между тѣмъ, какъ гораздо болѣе скованный десятилѣтіемъ прямого политическаго сотрудничества съ бюрократіей, земскій третье-іюньскій «конституціонализмъ» отходитъ на второй планъ. Подстрекаемая призракомъ тяжелаго экономическаго кризиса, съ которымъ связанъ военный разгромъ, сознавая свою необходимость въ роли организатора военной промышленности, торгово-промышленная буржуазія разгибаетъ свою спину, почтительно согнутую въ теченіе переходнаго періода, и выступаетъ въ роли общественнаго слоя, готоваго встать во главѣ имущихъ классовъ противъ данной власти, въ роли непосредственнаго претендента на власть.

Что моментъ новаго общественнаго подъема—неизбѣжнаго въ результатѣ самоисчерпанія третье-іюньскаго режима—будетъ характеризоваться прежде всего инициативной и передовой—среди другихъ непролетарскихъ классовъ—ролью торгово-промышленной буржуазіи,—это мы, на основаніи анализа внутреннихъ противорѣчій порево люціоннаго развитія, указали уже нѣсколько лѣтъ назадъ*). Тогда наши утвержденія далеко не встрѣтили сочувствія среди значительной части русскихъ марксистовъ. Всего менѣе казалось въ то время вѣроятнымъ, что русская торгово-промышленная буржуазія, непосредственно покровительствуемая третье-іюньскимъ блокомъ и одержимая боязнью пролетаріата, сможетъ когда-либо встать во главѣ національнаго движенія, объединяющаго различные имущіе и малоимущіе слои, и придать этому движенію характеръ сознательной *борьбы за власть*, слѣдовательно, оказаться въ числѣ «движущихъ силъ» общественнаго преобразованія, какъ выразился пишущій эти строки.

---

*) Въ «Голосѣ С.-Д.», «Дѣлѣ Жизни» (также Т. Ф. Данъ въ «Neue Zeit»).

На дѣлѣ, именно черезъ активную роль въ направленіи политики Россіи на «великодержавный путь» и въ процессѣ объединенія всѣхъ непролетарскихъ слоевъ населенія на «пріятіи» войны, торгово-промышленная буржуазія стала тѣмъ общественнымъ центромъ, который въ моментъ вызваннаго пораженіями краха третье-іюньской системы долженъ былъ и одинъ былъ способенъ—въ предѣлахъ имущаго общества—выдвинуть проблему борьбы за власть.

Этимъ, конечно, не предрѣшается вопросъ о томъ, способна ли промышленная буржуазія *рѣшить* эту проблему, оставаясь во главѣ націи, слѣдовательно, до того, какъ начавшееся движеніе, развязавъ другія силы, поставитъ себѣ болѣе радикальныя, болѣе далеко идущія цѣли и перерастетъ ее. Мы имѣемъ всѣ основанія дать на этотъ вопросъ *отрицательный* отвѣтъ. Это не устраняетъ ни того факта, что новая борьба за власть начата въ данный моментъ при гегемоніи торгово-промышленной буржуазіи, ни вытекающаго отсюда вывода, что въ дальнѣйшемъ развитіи кризиса этотъ классъ будетъ играть очень видную роль.

Переходъ имущихъ классовъ отъ задачи «организаціи тыла» къ задачѣ «мобилизаціи промышленности» сопровождался глубокой трещиной въ зданіи «національнаго единенія», поскольку это единеніе стало осуществляться путемъ ѣдкой критики и зажигательныхъ разоблаченій всякихъ безобразій. *Форма* «единенія» сохранялась, лозунгъ «все для войны!» означалъ попрежнему: «никакой политики!», но содержаніе россійскаго Burgfrieden'а, вывѣтрилось. Съ переходомъ отъ голаго лозунга «мобилизаціи промышленности» къ лозунгу «общественнаго министерства» исчезла и форма. Лозунгъ «все для войны» сталъ означать: въ томъ числѣ и политика и политическая борьба. Во имя возможности плодотворнаго единенія власти и общества, власть должна перейти къ излюбленнымъ людямъ общества, а для достиженія этой цѣли приходится въ данный моментъ жертвовать единеніемъ.

5. Борьба за власть и „Національная оборона".

Вовлекаясь ходомъ событій въ борьбу за власть, буржуазные классы попадаютъ въ коренное противорѣчіе съ исходнымъ пунктомъ своей «военной» политики. Они заключили съ бюрократіей «гражданскій миръ» во имя интересовъ государственной обороны. Но въ чемъ заключается дѣйствительное значеніе «гражданскаго мира», во всѣхъ странахъ? Въ томъ, что во имя обороны, пролетаріатъ безоговорочно оставляетъ государственную власть и руководство военной организаціей за буржуазіей—тамъ, гдѣ она является правящимъ классомъ;

въ томъ, что буржуазія отказывается отъ притязаній на государственную власть и управленіе военной организаціей—тамъ, гдѣ они находятся въ рукахъ привилегированныхъ сословій. Когда-же русская буржуазія, во имя лучшей организаціи управленія арміей и государствомъ, начинаетъ борьбу за власть, отказываясь отъ «гражданскаго мира», она несомнѣнно и неизбѣжно подрываетъ дѣло «государственной обороны». Подрываетъ его тѣмъ, что ту «деморализацію», которая уже создана неудачами и «непорядками», усиливаетъ не могущимъ не передаваться въ армію народнымъ броженіемъ. Реакціонеры правы: рѣчи въ Думѣ и на всевозможныхъ съѣздахъ «нервируютъ» страну, окончательно подрывая ея довѣріе къ вождямъ. Но и съ другой, болѣе глубокой точки зрѣнія, политическая борьба во время войны—хотя бы и во имя войны и побѣды—неизбѣжно подрываетъ дѣло государственной обороны: ибо борьба за власть есть борьба за *политическую экспропріацію* привилегированныхъ слоевъ, въ рукахъ которыхъ находится вся организація защитнаго механизма государства. Неужели можно думать, что *безъ борьбы* руководящіе элементы этого механизма допустятъ реальный переходъ власти въ новыя руки класса, интересы котораго противоположны его интересамъ; что реформы, означающія нестѣсненный доступъ разночинцевъ, евреевъ и т. д. на всѣ ступени бюрократической іерархіи, не будутъ ими восприняты, какъ ударъ по ихъ привилегіямъ? До сихъ поръ отживающій общественный классъ никогда не расписывался въ своей несостоятельности въ роли руководителя государства и не сдавалъ безъ боя своихъ позицій...

Какъ смѣшны, поэтому, эти попытки втиснуть движеніе въ пользу «общественнаго министерства» въ рамки «ненарушенія интересовъ государственной обороны»!, эти попытки, по французской пословицѣ, сдѣлать яичницу, не разбивъ яицъ! То есть, вѣрнѣе, онѣ не смѣшны, когда исходятъ отъ реальныхъ политиковъ буржуазіи; ибо послѣдніе, крича: «тише, тише, не наступите на оборону!», хлопочутъ при этомъ, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы пробуждаемое ихъ борьбой народное волненіе не посягнуло на ихъ собственные узко-классовые интересы, или, какъ выразился А. И. Гучковъ, въ борьбѣ съ даннымъ государственнымъ порядкомъ не затронуло порядка вообще; чтобы въ процессѣ борьбы противъ даннаго правительства народныя массы не образовали самостоятельной политической силы, опасной для самихъ претендентовъ на власть. Но тѣмъ смѣшнѣе за то Плехановы, Бунаковы, Зоммеры, съ серьезнымъ и патетическимъ видомъ повторяющіе увѣщанія промышленниковъ, городскихъ головъ и земскихъ политиковъ, налеправныя по адресу рабочихъ: боритесь, но такъ, чтобы не распле

скать ни капли изъ патріотической чаши! Давите на власть, но такъ, чтобы по возможности не пускать въ ходъ наиболѣе сильнаго средства давленія! Предпочитайте забастовкамъ демонстраціи въ свободное отъ изготовленія снарядовъ время! Или, если ужъ не терпится бастовать, то отрабатывайте за этотъ прогулъ воскресные дни!

Сколько педантической ограниченности и скопческой немощности въ этихъ «соціалъ-демократическихъ» и соціалъ-революціонныхъ увѣщаніяхъ! Дѣло не въ томъ, конечно, чтобы внушать рабочимъ мысль, что забастовки или демонстраціи всегда во благовременье, или что въ своихъ методахъ борьбы они не должны считаться ни съ движеніемъ другихъ классовъ, ни даже съ ихъ настроеніемъ. Мы въ 1904 году съ такою же энергіей призывали рабочихъ не видѣть въ уличныхъ манифестаціяхъ единоспасающаго средства, съ какою въ 1913 г. возстали противъ «стачечнаго азарта». Но и въ томъ, и другомъ случаѣ мы аппелировали отъ плохо направленнаго—либо хаотическаго—движенія къ движенію хорошо направленному и организованному, и никогда, конечно, намъ—да и ни одному марксисту—не приходила въ голову мысль брать патентъ на изобрѣтеніе «сухой воды»—такого дѣйствительно освободительнаго движенія, которое бы не усиливало дезорганизацію защитнаго механизма.

Борьба за власть, *успѣшно закончившись*, можетъ, разумѣется, имѣть послѣдствіемъ *лучшую* организацію обороны, поскольку классъ, получившій власть, сумѣетъ создать высшую — по классовому содержанію—военную организацію. Но пока она ведется, она данную организацію расшатываетъ и въ этотъ періодъ приходится выбирать: или «оборона» или борьба.

Не можетъ быть спора о томъ, что собственными своими силами объединенная россійская буржуазія не сможетъ разрѣшить проблемы политической экспропріаціи «старыхъ сословій» и перенять дѣйствительную власть въ свои руки. Аппеляція же къ «Ахерону» не только не входитъ въ ея нынѣшніе расчеты, но и идетъ въ разрѣзъ съ основными ея классовыми интересами. Еслибъ вмѣшательство «Ахерона» явилось результатомъ дальнѣйшаго развитія политическаго кризиса, буржуазія постарается использовать его для своихъ цѣлей, поскольку получитъ возможность балансировать между реакціей и демократіей...

6. Пролетаріатъ и національная оборона.

...Можетъ представиться весьма заманчивой перспектива воспользоваться настроеніемъ возбужденныхъ военными неудачами массъ для того, чтобы втянуть ихъ въ борьбу съ реакціей. Не этой ли пер-

спективой безсознательно питалось у многихъ нашихъ коллегъ, ставшихъ съ начала войны на почву «борьбы съ прусскимъ милитаризмомъ», ихъ тяготѣніе къ «непротиводѣйствію войнѣ»? Вѣдь и самъ Плехановъ годъ назадъ проговаривался на ту тему, что неизбѣжныя военныя неудачи вызовутъ оппозиціонно-патріотическое движеніе.

«Реальная политика» такого сорта,—политика, разсчитанная на то, что демократіи придется просто глотать жареные рябчики стихійно-выростающаго въ массахъ освободительно-патріотическаго недовольства, соединяетъ въ себя одинаковыя дозы демагогіи и оппортунизма.

Аппелируя къ народнымъ массамъ, марксистская демократія не можетъ обѣщать имъ болѣе того, что можетъ дать. Марксисты знаютъ, что октябристское, либеральное и всякое иное *буржуазно-имперіалистское* правительство, которое, въ силу наличнаго соотношенія общественныхъ силъ, является ближайшимъ претендентомъ на власть, будетъ продолжать войну во имя интересовъ, во имя которыхъ она велась до сихъ поръ. Оно сможетъ устранить или уменьшить цѣлый рядъ злоупотребленій, оно не будетъ по-азіатски душить демократію и «инородцевъ»,—это само собою разумѣется. Но—надо ли это доказывать марксистамъ?—оно не сможетъ и не будетъ пытаться оторвать «національную оборону» отъ обслуживанія интересовъ капитализма. А это значитъ, что «національная оборона» въ рукахъ такого правительства и стоящихъ за нимъ общественныхъ группъ будетъ вестись при помощи поддерживаемаго военнымъ положеніемъ Burgfrieden'a, означающаго объективно пріостановку организованнаго классоваго отпора пролетаріата при непрекращающейся организованной эксплуатаціи и подавленіи народныхъ массъ буржуазіей; что эта «національная оборона», эксплуатируя естественное стремленіе народныхъ массъ спастись отъ насильственныхъ аннексій и контрибуцій, будетъ совершаться единственно-доступнымъ имущимъ классамъ методомъ, включающимъ въ себя посягательство на свободу и независимость другихъ народовъ, и тѣмъ самымъ питающимъ націоналистическія страсти въ народныхъ массахъ воюющихъ странъ,—питающихъ всемірную имперіалистскую реакцію; что даже чисто оборонительныя задачи войны властная буржуазія смогла бы выполнять, лишь возлагая всѣ ея тяжести на плечи неимущихъ классовъ, покупая ея успѣхи цѣною закабаленія неимущихъ классовъ буржуазіи, а всего народнаго хозяйства—капитализму болѣе «передовыхъ» своихъ союзницъ. За такую «національную оборону», за такое выполненіе буржуазіей функціи руководства сопротивленіемъ народа вражескому нашествію—а другимъ оно быть не можетъ—марксистская демократія никоимъ образомъ не

сможетъ взять на себя отвѣтственности передъ народомъ, въ такомъ дѣлѣ она никоимъ образомъ соучаствовать не сможетъ, будутъ ли во главѣ правительства стоять фактически Пожарскіе изъ земскаго союза или-же Минины хлопчато-бумажной индустріи.

Все это марксисты знали еще до начала войны, почему и «присягали» Штутгартскимъ и Базельскимъ резолюціямъ; кто-же этого не зналъ или поспѣшилъ забыть съ началомъ нынѣшней войны, имѣлъ въ своемъ распоряженіи не менѣе 15-ти мѣсяцевъ, чтобы видѣть въ наглядныхъ примѣрахъ, что реально означаетъ соучастіе пролетаріата и соціалистовъ въ дѣлѣ руководимой имущими классами «національной обороны».

А, зная это, рабочая демократія не можетъ, не ударяясь въ демагогію и оппортунизмъ, призывать народныя массы сваливать реакцію во имя «организаціи побѣды», то есть, во имя спасенія страны отъ окончательнаго разгрома *средствами милитаризма*. Какъ ни заманчиво для передовой партіи имѣть за собою сразу симпатіи широкихъ народныхъ массъ, какъ ни обязательно для нея не вызывать *неумѣлой тактикой* или, тѣмъ паче, словеснымъ озорствомъ (въ родѣ игры въ «пораженчество») пропасти между собою и народными массами и арміей, она должна не забывать изъ-за минутныхъ успѣховъ будущаго того класса, которому она служитъ, не компрометировать этого будущаго легкомысленнымъ принятіемъ на себя невыполнимыхъ политическихъ обязательствъ. Если массы не могутъ придти къ демократіи иначе, какъ черезъ новыя иллюзіи, черезъ ихъ разоблаченія трагическимъ опытомъ исторіи, она обязана оградить отъ вліянія этихъ иллюзій тѣ слои народа, которые уже стоятъ за ней, обязаны говорить и повторять имъ всю правду, которую она знаетъ,—правду о томъ, что объ «оборонческомъ» принципѣ для рабочаго класса не можетъ быть рѣчи, пока объективное содержаніе мірового конфликта остается имперіалистскимъ.

Но *въ принципѣ* могла ли бы «оборонческая» задача войти составной частью въ общую задачу демократіи при условіи, конечно, торжества ея стремленій? Конечно, да. Если предположить, что это торжество наступило (въ формѣ, опредѣляемой соотношеніемъ общественныхъ силъ данной страны), то *защита восторжествовавшей демократіи съ оружіемъ въ рукахъ цѣлости территоріи противъ внѣшняго врага столь же мало носила бы имперіалистскій характеръ или служила бы чужимъ имперіалистскимъ цѣлямъ*, какъ это имѣло мѣсто съ Франціей въ 1783 году. Но стоитъ только *конкретно* представить себѣ эту перспективу въ обстановкѣ современнаго международнаго положенія,

чтобы убѣдиться, насколько надуманнымъ, лишеннымъ «исторической разумности» является модный въ кое-какихъ кругахъ лозунгъ «революціи во имя обороны». Ибо весь характеръ современнаго мірового конфликта ручается намъ за то, что побѣда хотя бы буржуазной демократіи въ одной странѣ немедленно взорвала бы нынѣшнее взаимоотношеніе государствъ въ этомъ конфликтѣ, объединивъ *всю* капиталистическую буржуазію всего міра въ стремленіи погасить пожаръ, а тѣмъ самымъ, слѣдовательно, упразднила бы для демократіи данной страны самый вопросъ о томъ, *продолжать ли* ей оборонительную войну противъ вчерашнихъ враговъ его государства въ случаѣ нежеланія ихъ заключить почетный миръ? Совершенно очевидно, что еслибъ такой случай наступилъ, рѣчь зашла бы не о войнѣ оборонительной въ обычномъ смыслѣ слова, а о совершенно новой войнѣ, которая, подобно войнѣ первой французской республики, носила бы характеръ *наступательно-освободительной* или должна была бы принять таковой, поскольку стало бы несомнѣнно, что обстановка международной имперіалистской реакціи не допуститъ демократію утвердиться въ одной странѣ.

Но если мы уже такъ далеко зашли въ своихъ гипотезахъ, мы не можемъ не ввести въ наши построенія еще одного осложняющаго момента. Мыслимо ли развитіе такого политическаго кризиса въ одной странѣ до того пункта, на которомъ мы остановились при условіи продолжающагося господства милитаристской и имперіалистской реакціи во всемъ мірѣ? Такое предположеніе представляется совершенно невѣроятнымъ. Рядъ потрясеній все болѣе глубокаго и все болѣе широкаго характера, который только и могъ бы привести страну къ торжеству демократіи, не могъ бы не оказать немедленно глубокаго впечатлѣнія на народныя массы союзныхъ и воюющихъ странъ и, вѣроятно, послужилъ бы толчкомъ къ возникновенію въ нихъ народныхъ движеній. А съ другой стороны, если бы обстановка войны оказалась неблагопріятной для развитія послѣднихъ, то тѣмъ самымъ развитіе кризиса въ самой данной странѣ было бы парализовано хотя бы уже тѣмъ, что силы имперіализма и союзныхъ, и враждебныхъ странъ пришли бы въ той или другой формѣ на помощь потрясенному «порядку». При такихъ условіяхъ едва-ли стала бы реальной перспектива полнаго торжества демократіи еще *во время войны*, та единственная перспектива, при которой задача «обороны» могла бы войти составной частью въ освободительныя задачи пролетаріата.

Но изъ этого слѣдуетъ и нѣчто другое. Какъ мы видимъ, самый процессъ развитія національнаго демократическаго движенія въ одной

странѣ—и особенно въ моментъ войны—нельзя оторвать отъ его международной обстановки; прогрессивное развитіе этого процесса само предполагаетъ хотя бы начало такого же движенія въ другихъ государствахъ. И это одно уже указываетъ рабочей демократіи данной страны, что ея вмѣшательство въ ходъ событій не можетъ быть замкнуто въ «національныя рамки», что ея политика должна опредѣляться одновременно задачей воздѣйствія на соотношеніе общественныхъ силъ не только въ данной странѣ, но и въ другихъ государствахъ.

Свою борьбу въ своей странѣ она, слѣдовательно, должна разсматривать, какъ часть международной борьбы демократіи противъ международной имперіалистской реакціи; должна проникнуться сознаніемъ того, что законные съ демократической точки зрѣнія, интересы народовъ данной страны—ихъ избавленіе отъ участи насильственнаго анексированія и кромсанія—могутъ быть охранены только пробужденіемъ народовъ во всѣхъ странахъ и ихъ давленіемъ на свои правительства, и что единственнымъ средствомъ содѣйствія этому пробужденію является для данной демократіи безоговорочная внутренняя борьба внутри страны.

Слѣдовательно, коренное преобразованіе не во имя «оборонческаго» принципа, а во имя ликвидаціи конфликта!

7. Линія демократіи.

Исходнымъ пунктомъ общественнаго кризиса въ Россіи является вызванное неудачами столкновеніе объединенныхъ имущихъ классовъ, опирающихся на недовольство массъ, съ привиллегированными группами. Выросшее изъ этого столкновенія движеніе объединено идеей національной обороны.

Демократія должна, конечно, поддерживать это движеніе, поскольку оно расшатываетъ господство Марковыхъ и выбиваетъ у нихъ почву изъ подъ ногъ. Но поддерживать руководимое буржуазіей движеніе не значитъ—идти у него на поводу. Поддерживая данное движеніе, какъ движеніе противъ реакціи, демократія не поддерживаетъ его лозунговъ. Она критикуетъ одни изъ нихъ, какъ половинчатые и недостаточные (общественное министерство); она выступаетъ прямо противъ другихъ, какъ враждебныхъ интересамъ демократіи («война до конца», «борьба съ нѣмецкимъ засиліемъ!», «никакихъ выступленій!» и т. д.).

Пока либерально-патріотическое движеніе подъ флагомъ «обороны» не исчерпало себя внутренне, не нанесло гнилому порядку всѣхъ тѣхъ ударовъ, которые оно способно ему нанести, демократія, принимая посильное участіе въ вызываемыхъ этимъ движеніемъ конфлик-

тахъ, всесторонне ихъ используя, должна центръ тяжести своей работы сосредоточить на организаціи своихъ силъ въ виду имѣющихъ развернуться событій, которыя потребуютъ всей ея энергіи. Но организовывать силы демократіи не значитъ только «использовать» представляющіеся случаи для созданія тѣхъ или иныхъ центровъ сплоченія и бороться за возможность такого использованія. Организовать силы демократіи, значитъ также и прежде всего объединить ея движеніе направляющими идеями. Если это вѣрно всегда, то вдвойнѣ вѣрнѣе въ эпохи перелома.

Немыслимо успѣшно работать надъ дѣломъ организаціи демократіи, какъ самостоятельной политической силы, если лозунгъ организаціи оторвать отъ задачъ той борьбы, которая предстоитъ ей. Насколько мы можемъ судить изъ нашего далека, такая тенденція оторвать работу организаціонную отъ агитаціи за общіе лозунги движенія имѣется на лицо среди нѣкоторыхъ представителей демократіи. Напомнимъ статью Горскаго въ № 1, «Утра». Онъ предлагалъ, насколько мы его поняли, рѣшать вопросъ объ участіи или неучастіи въ военно-промышленныхъ комитетахъ независимо отъ отношенія къ оборонческому принципу, исходя изъ той мысли, что можно быть принципіальнымъ сторонникомъ «обороны» и бойкотировать горемыкинскіе «комитеты» и что, обратно, можно, будучи принципіальнымъ противникомъ обороны, стоять за участіе рабочихъ въ этихъ комитетахъ. На самомъ-же дѣлѣ попытки рѣшить этотъ вопросъ подъ угломъ зрѣнія организаціоннаго «использованія» новыхъ позицій, при оставленіи въ тѣни или въ сторонѣ вопроса о принципіальномъ и практическомъ отношеніи рабочаго класса къ міровому конфликту, вмѣсто того, чтобы облегчить дѣло организаціи рабочихъ, должно скорѣе привести къ ихъ дезорганизаціи. На порогѣ переломной полосы въ исторіи Россіи рабочій классъ долженъ отдавать себѣ возможно ясный отчетъ въ томъ, какія цѣли и какими методами онъ будетъ отстаивать въ ходѣ преобразовательнаго процесса, долженъ знать, для чего и во имя чего онъ организуетъ свои силы. Всякая недоговоренность и недодуманность проявленныя сейчасъ, жестоко отомстятъ за себя завтра.

Все движеніе рабочей демократіи должно быть воодушевлено и объединено идеей борьбы за ликвидацію мірового катаклизма и коренную ликвидацію отечественнаго зла. Организовывать свои силы и укрѣплять свои позиціи она должна, поэтому, не примазываясь, не приспособляясь къ руководимому буржуазіей національно-оборонческому движенію, а противопоставляя ему свои международныя задачи и разсчитанные на международную классовую солидарность методы дѣй-

ствія. Это отлично сдѣлала рабочая делегація (во главѣ съ Скобелевымъ и Хаустовымъ) на московскомъ съѣздѣ борьбы съ дороговизной жизни (1915 г.).

Мы хорошо знаемъ, что въ настоящее время *такая* дѣятельность осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что ультра-реакціонныя темныя силы работаютъ въ пользу «сепаратнаго мира». Благодаря этому она рискуетъ восприниматься массами, какъ идущая на встрѣчу этимъ силамъ. Но изъ этого лишь слѣдуетъ, что свой лозунгъ международнаго соглашенія демократія должна поставить въ самую тѣсную связь съ лозунгомъ освобожденія отъ этихъ силъ единственно дѣйствительнымъ средствомъ, т. е. революціей.

Пойдутъ ли на дѣлѣ массы теперь-же по пути послѣдовательно-демократической политики подъ флагомъ международности или подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ бѣдствій, вызванныхъ военными событіями, и подъ давленіемъ окружающей ихъ атмосферы общественной «патріотической тревоги» двинутся впередъ подъ «оборонческимъ» знаменемъ и свою роль въ историческомъ кризисѣ сыграютъ (можетъ быть, только на первыхъ порахъ), оставаясь подъ властью оборонческо-демократическихъ иллюзій? Вѣдь и французскіе борцы 1871 г. тоже двинулись подъ знаменемъ обороны и «войны до конца». Еслибъ тоже случилось съ русской демократіей, это, конечно, не уничтожило бы ни исторически-прогрессивнаго характера ея роли въ начавшемся кризисѣ (характера, опредѣляемаго взаимоотношеніемъ классовъ въ Россіи), ни международнаго значенія ея борьбы, но лишь ослабило бы ихъ. Въ этомъ случаѣ передовымъ элементамъ демократіи пришлось бы, не отрываясь отъ движенія широкихъ ея массъ, не противопоставляя себя ему, вести въ немъ свою собственную линію, какъ ее вели Варленъ, Марлонъ и другіе члены Международнаго Общества во французскихъ событіяхъ 1870-71 г.г., въ общемъ развивавшихся подъ флагомъ бланкистско-патріотическихъ иллюзій. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Р. Гильфердингъ, что марксистамъ, быть можетъ, придется въ ближайшихъ событіяхъ, отмѣченныхъ печатью всемірной войны, снова, подобно первымъ ученикамъ Маркса въ 1848 году, сводить свою роль къ тому, чтобы въ каждомъ конкретномъ движеніи формулировать и отстаивать общіе и постоянные интересы класса, заслоненные въ данный моментъ его частными и преходящими интересами...

Октябрь, 1915 г.

Демократическое „оборончество“ въ Россіи*).

Въ теченіе всего перваго года войны оборонческое теченіе въ Россіи не выходило за предѣлы отдѣльныхъ кружковъ; какъ оффиціальныя представительства соціаль-демократіи, такъ и широкія массы не были имъ затронуты.

Исключеніе депутата Манькова думской фракціей (въ февралѣ 1915) за отказъ голосовать противъ кредитовъ встрѣтило всеобщее одобреніе.

Но съ тѣхъ поръ настроеніе народныхъ массъ нѣсколько измѣнилось. «Оборончество» начало пускать корни.

Политическая психологія «соціалъ-патріотизма» въ Россіи не совсѣмъ такова, какъ въ Западной Европѣ.

Если отвлечься отъ различія того положенія, въ которомъ соціалисты очутились въ августѣ 1914 года во Франціи и въ Германіи—различія, которое несомнѣнно нашло свое выраженіе въ *оттѣнкахъ* соціалъ-патріотической идеологіи той и другой страны, то нетрудно найти то общее, что объясняетъ въ послѣднемъ счетѣ отреченіе тѣхъ и другихъ отъ международной и антимилитаристской точки зрѣнія. Неумолимое противорѣчіе между принципомъ международной классовой солидарности и оборонческой позиціей въ имперіалистскомъ конфликтѣ не оставило европейскимъ рабочимъ партіямъ иного выбора какъ или противостать собственной націи, инстинктивно объединившейся въ моментъ реальной опасности (либо, по крайней мѣрѣ, оказаться внѣ ея), или растворившись въ ней, тѣмъ самымъ заключить союзъ съ господствующими кликами и кастами, которыя еще вчера изобличались, какъ худшіе враги собственнаго народа. Или остаться въ положеніи отщепенцевъ по отношенію къ современному обществу, защищающему въ каждой странѣ свое существованіе передъ лицомъ разразившагося имперіалистскаго урагана,—или-же принять всѣ послѣдствія «національнаго перемирія» со всѣми постыдными компромиссами,

*) Статья появилась въ женевскомъ журналѣ «Demain».

со всѣмъ позоромъ отреченія отъ тѣхъ принциповъ, за которые до тѣхъ поръ велась борьба.

Не таково положеніе дѣлъ въ Россіи. Здѣсь буржуазное общество само еще находится въ постоянной оппозиціи къ бюрократіи и отжившимъ классамъ, которые, не смотря на 1905 годъ, сохраняютъ въ рукахъ всю полноту власти, ибо даже крупная индустрія и финансовая плутократія лишь косвенными путями оказываютъ вліяніе на ходъ дѣлъ въ государствѣ. Благодаря этому, то громадное большинство націи: мелкая буржуазія, интеллигенція, крестьянство, которое въ каждомъ современномъ обществѣ испытываетъ на себѣ сильнѣйшее моральное и политическое вліяніе буржуазіи, въ Россіи находится въ состояніи постояннаго политическаго броженія. Такимъ образомъ, въ Россіи нѣтъ и слѣда той *устойчивости* соціальныхъ и политическихъ отношеній, которая въ 1914 году царила въ монархіяхъ и республикахъ Запада.

При такихъ условіяхъ, война хотя и разнуздала въ Россіи, какъ и повсюду, элементарныя націоналистскія страсти и на первыхъ порахъ установила «священное единеніе» между реакціонными партіями, съ одной стороны, и партіями буржуазной оппозиціи съ другой,—должна была рано или поздно еще болѣе обострить и углубить противорѣчіе между привиллегированной кастой и всѣмъ русскимъ обществомъ, осужденнымъ въ разгаръ XX вѣка влачить свое существованіе въ обстановкѣ азіатскаго произвола и азіатскаго разложенія.

Военныя событія лѣта 1915 г. и глубокій хозяйственный кризисъ превратили россійское «священное единеніе» въ яростную борьбу между бюрократіей и верхнимъ дворянствомъ, съ одной стороны, и массой буржуазнаго общества съ другой. Городскія и сельскія демократическія массы, подавленныя всяческими бѣдствіями, инстинктивно почувствовали приближеніе момента, когда наиболѣе ненавистныя имъ общественныя силы рухнутъ подъ тяжестью столь блестяще доказанной неспособностью къ управленію страны.

Вполнѣ естественно, что это оппозиціонное движеніе въ общихъ своихъ развѣтвленіяхъ—умѣренно-буржуазномъ и радикально-демократическомъ—развивается подъ *націоналистскимъ* флагомъ. Мелкое и среднее мѣщанство вѣритъ въ освободительную миссію войны, которая должна какъ очистить родную землю отъ германскаго нашествія, такъ и избавить ее отъ внутренняго гнета. Умѣренно-либеральные элементы фанатически спекулируютъ при этомъ на растущую для самой власти при данномъ настроеніи необходимость опереться на капиталистическую буржуазію и оплатить эту поддержку опредѣленными уступ-

ками; мѣщанская демократія, напротивъ, лелѣетъ мысль о такомъ всенародномъ подъемѣ, который, объединивъ въ одномъ мощномъ чувствѣ панику передъ вражескимъ нашествіемъ и недовольство внутренними непорядками, снесетъ пережитки крѣпостничества. Напоминанія о французской войнѣ 1792-93 гг. и надежда на полное совпаденіе настроеній «фронта» и «тыла» играютъ не малую роль въ питаніи этой идеологіи мѣщанской демократіи, начинающей оказывать безспорное вліяніе на извѣстную часть рабочей демократіи.

Предпосылки, на которыхъ базируется въ представленіи нашихъ «оборонцевъ» идея національно-освободительной въ указанномъ смыслѣ войны, не выдерживаетъ критики суровой дѣйствительности. Война, которую вело французское третье сословіе въ 1792-93 гг., была дѣйствительно войною противъ внѣшняго врага, стремившагося навязать странѣ реставрацію того соціальнаго и политическаго режима, отъ котораго она только что освободилась. Въ настоящей войнѣ ни Германія, ни Австрія не преслѣдуютъ цѣли сдѣлать русскій режимъ еще болѣе реакціоннымъ, точно также, какъ ни Англія, ни Франція не покушаются поколебать полу-абсолютистскую монархію Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ.

Но, говорятъ намъ, оффиціальная Германія и самъ Вильгельмъ II являются яростными врагами конституціонной эволюціи Россіи, и кайзеръ въ 1905 г. предлагалъ русской реакціи помощь своихъ гренадеръ.

Фактъ самъ по себѣ не лишенъ вѣроятія, но какая добровольная слѣпота необходима для того, чтобы не замѣтить, что не *обѣщанія* Вильгельма II помогли Столыпину и К⁰ отстоять россійскіе «устои», а прежде всего реальная помощь французскихъ милліардовъ и дипломатическій союзъ съ Великобританіей. Именно, «западно-европейскія демократіи» помогли бюрократіи поднять свой падающій престижъ и занять почетное положеніе въ европейскомъ концертѣ, что не въ малой мѣрѣ содѣйствовало установленію союза между имущими классами и нею.

Одна несомнѣнная истина встаетъ изъ хаоса всемірной катастрофы: это—та, что въ нынѣшней войнѣ, какъ это предсказалъ Фр. Энгельсъ, нѣтъ «избранныхъ націй», что ни одно изъ капиталистическихъ государствъ въ отдѣльности и ни одна изъ враждебныхъ коалицій въ цѣломъ не выполняетъ, по сравненію съ противникомъ, какой либо исторически-прогрессивной миссіи: что осуществленіе реакціонныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ имперіализмомъ въ каждомъ лагерѣ, имѣло бы результатомъ парализовать эволюцію отсталыхъ странъ къ свободѣ. И до сихъ поръ братство оружія, связавшее наше отечество съ фран-

цузской республикой и Великобританіей, служило лишь—съ русской точки зрѣнія—тому, что затягивало и облегчало сопротивленіе бюрократіи напору общественныхъ силъ, стремящихся къ обновленію страны.

Какая иллюзія думать, что можно среди урагана всемірной войны, разнузданной имперіалистскими державами, дѣлать у себя дома дѣло коренного внутренняго преобразованія, дѣло національнаго освобожденія, подъ флагомъ крестоваго похода противъ Германіи! Совершенно напротивъ: поскольку наши соціалистическіе патріоты предаются идеализаціи всемірной бойни, приписывая ей «освободительныя» цѣли, они лишь укрѣпляютъ моральную позицію реакціи и облегчаютъ игру шовинистамъ либеральной буржуазіи, которая въ Россіи показала себя безнадежно неспособной вести рѣшительную борьбу съ бюрократіей и которая сама достаточно заражена имперіалистскимъ ядомъ, чтобы оказать противодѣйствіе всякому порыву демократіи, который, хотя бы на время, помѣшалъ осуществленію ея балканскихъ, персидскихъ и т. п. вожделѣній.

И именно потому, что программа демократическаго оборончества является въ имперіалистской войнѣ утопіей, наши соціалъ-націоналисты обречены при переходѣ къ практикѣ на вопіющія противорѣчія съ самими собою. Они провозглашаютъ коренную ломку во имя защиты отечества. Но когда военныя событія уже подточили силу бюрократій, а массы, энервированныя безчисленными бѣдствіями, начинаютъ стихійно приходить въ движеніе,—мы видимъ, какъ Г. В. Плехановъ и его друзья обращаются къ народу съ пламеннымъ призывомъ, умоляя его отказаться отъ стачекъ, которыя должны неизбѣжно отразиться на производствѣ амуниціи. А такъ какъ Плехановъ еще не изобрѣлъ средство изготовить яичницу, не разбивая яицъ,—произвести коренную общественную, хотя бы и весьма патріотическую ломку, не разстроивъ на время національнаго капиталистическаго производства, то дѣло кончилось тѣмъ, что люди говорятъ о революціи, а практикуютъ перемиріе между партіями. И когда въ іюлѣ 1915 г. собралась Гос. Дума и среди самыхъ умѣренныхъ партій буржуазіи поднялся вопросъ о томъ, не должны ли онѣ отказаться отъ какого либо сотрудничества съ кабинетомъ Горемыкина, тотъ же самый Плехановъ (въ письмѣ къ А. Ф. Бурьянову) умолялъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ голосовать за военные кредиты, заранѣе клеймя противоположный вотъ, какъ «измѣну отечеству».

Читатель видитъ, что «якобинцы» русскаго соціализма, отнюдь не обладая «смѣлостью» какого-нибудь Дантона, который мечемъ револю-

ціоннаго насилія разрубилъ противорѣчивую проблему защиты отечества при анти-народномъ режимѣ, пропитаны духомъ умѣренности, аккуратности, отличающимъ «государственныхъ мужей» французскаго и англійскаго соціализма нашихъ дней. Обезьянничая монтаньяровъ 1793 года, они на дѣлѣ идутъ по пути оппортунизма, избранному Ж. Гедомъ въ 1915 году. Великіе освободители Франціи, прежде, чѣмъ устремиться къ границамъ, очень простыми плебейскими средствами обезвредили «внутренняго врага». Ихъ эпигоны оказываются вынужденными либо, какъ Бурцевъ, заключить миръ съ ними, либо, какъ Плехановъ и его друзья и почитатели, ослабить борьбу противъ него.

Несомнѣнно, что большинство «оборонцевъ» не хочетъ идти за Плехановымъ по этому пути и стремится остаться вѣрнымъ знамени борьбы во имя обороны. Рано или поздно имъ придется выбрать между Плехановымъ или отказомъ отъ своей исходной точки зрѣнія. Не имперіалистской войной можетъ быть разрѣшена для Россіи проблема ея обновленія, но лишь сокрушеніемъ міровой имперіалистской реакціи, которая въ послѣднемъ счетѣ является и причиной сохраненія всѣхъ пережившихъ себя режимовъ въ отсталыхъ странахъ. Только движеніе, опирающееся на борьбу со всемірнымъ имперіализмомъ и тѣмъ самымъ освобожденное отъ всякой національной исключительности и открыто направленное противъ имперіалистскихъ методовъ рѣшенія историческихъ проблемъ, можетъ оказаться плодотворнымъ также и въ сферѣ чисто-національныхъ задачъ. Въ настоящее время не можетъ быть истинно-прогрессивнаго движенія внѣ движенія, проникнутаго идеей мира.

Въ этомъ именно смыслѣ представитель анти-оборонческаго теченія въ русской демократіи, *Н. С. Чхеидзе* говорилъ въ Думѣ 23 февраля, когда выразилъ солидарность своей группы съ Циммервальдскими рѣшеніями и дѣятельностью нѣмецкаго и французскаго «меньшинствъ».

18 апрѣля 1916 г.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Миѳологія „послѣдней войны“ 19

Промышленники и война. 23

А Маркса оставьте въ покоѣ 25

Война и Плехановъ 27

Ни германофобія, ни германофильство 31

Почему Марксъ „пангерманистъ“. 34

Мавръ сдѣлалъ свое дѣло 37

Русскій марксизмъ и война 42

Англія на поворотѣ своей исторіи. 50

Война и россійская демократія 53

Демократическое „оборончество“ въ Россіи 72